

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

Дырка для ордена

«Звягинцев Станислав»

2001

Звягинцев В. Д.

Дырка для ордена / В. Д. Звягинцев — «Звягинцев Станислав»,
2001 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 5-699-03381-5

Из участников локального конфликта в горах Маалума капитан Сергей Тарханов и военврач Вадим Ляхов превращаются в ключевые фигуры большой игры, в которой замешаны влиятельные круги в России и «Черный интернационал», объединяющий всех недовольных сложившимся миропорядком. Им приходится поменять не только имена и биографии, но и... время, в котором они живут. Однако Тарханов и Ляхов пока об этом и не подозревают, как и о том, что, просто выполняя свой долг, они предотвратили катастрофу, жертвами которой могли бы стать миллионы людей.

ISBN 5-699-03381-5

© Звягинцев В. Д., 2001

© Звягинцев Станислав, 2001

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	23
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	33
ГЛАВА ПЯТАЯ	45
ГЛАВА ШЕСТАЯ	54
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	63
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Василий Звягинцев

Дырка для ордена

Этот случай спланирован в крупных штабах

И продуман в последствиях и масштабах.

И поэтому дело твое – табак.

Уходи!

Исключений из правила этого нету!

Закатись, как в невидную щелку монета!

Зарасти, как тропа,

Затеряться в толпе!

Вот и все, что советовать можно тебе!

Б. Слуцкий

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда пулеметная очередь распорола борт «УАЗа» и водитель упал грудью на рулевое колесо, хрипя и откашливаясь кровью, майор Тарханов как раз отклонился назад, пытаясь достать термос с крепким геджасским кофе, пристегнутый пружинными зажимами к задней стойке кабины. И все назначенные ему пули и шрапнельный пучок осколков стекла прошли впереди и выше, свистнув в уши и дунув в лицо порывом горячего ветра.

Повинуясь инстинкту старого солдата, майор ударом ноги распахнул исковерканную правую дверцу, уже в падении выдернув автомат, торчавший стволом вверх между сиденьями. Сгруппировался, достаточно мягко приземлился на каменистую обочину и только потом начал соображать, в чем, собственно, дело.

До гребня перевала оставалось метров пятьдесят, оттуда по ним и ударили.

Не отрывая взгляда от груды рыжих камней, не случайно образовавших подобие пирамиды (как он не заметил этого вовремя?), Тарханов краем глаза увидел, как вездеход на первой передаче еще немного прополз по прямой, потом его потянуло вправо, и он завалился колесами в кювет, сев обоими мостами на бровку.

Толчок, очевидно, сбросил ногу мертвого или тяжело раненного ефрейтора с акселератора, и мотор, пару раз чихнув и фыркнув, заглох.

Сергей скользнул вперед, прикрываясь краем дороги и корпусом машины, и снова упал на щебень рядом с рубчатым передним колесом, одновременно сдернув предохранитель.

Буквально через пару секунд из-за пирамидки, а точнее – переднего бруствера пулеметного гнезда, разом, как соответствующая мишень на стрельбище, поднялись три фигуры в незнакомой окраски камуфляжах, тесной группой, плечом к плечу.

Бросок Тарханова они не заметили, да и не могли предположить, что кто-то смог бы уцелеть в насквозь пропоротой пулями кабине, и сейчас в азартном восторге от собственного успеха, утомленные, очевидно, долгим ожиданием добычи, торопились выяснить, кто именно им попался.

«Придурки, – с некоторым даже сочувствием подумал Тарханов. – Где ж вас учили и кто?»

Так могли поступить только «практиканты», завербованные в глухом кишлаке или оазисе, возжелавшие стать настоящими «воинами Аллаха» и отправленные сдавать зачет на большой дороге. Опытный боевик никогда бы так не подставился. Приходилось Тарханову с ними сталкиваться, увы, – не единожды.

И сам он умел устраивать засады и знал, как оно бывает на самом деле, когда ребята торопились, поднимали голову чуть раньше, чем нужно, безосновательно полагая, что с врагом покончено.

У этих вышло – совсем рано.

Они стояли в полный рост, и их силуэты четко проектировались на фоне утреннего неба.

Эти любопытные бараны так ничего и не поняли, наверное, когда тремя одиночными выстрелами майор успокоил их всех.

Они лежали перед ним неаккуратной грудой, только что живые, молодые, бородатые, давно не мытые, потому что даже на расстоянии чувствовался густой запах застарелого, пере-кисшего пота. На перетянутых ремнями и патронташами выгоревших маскировочных костюмах входные отверстия совсем не видны, зато выходные – размером в кулак. Осколки ребер, торчащие из ран, на глазах чернеющая кровь.

Тарханов стрелял специальными, по типу охотничьих, патронами с мягкой безоболочечной пулей. Врачам после таких попаданий делать нечего.

Он смотрел на все это и ничего особенного не чувствовал. Война, однако, и судьба. Не пожелай он взбодриться глотком кофейка после вчерашнего, могло быть и наоборот.

Нет, ну до чего же неквалифицированное быдло идет сейчас в бандиты, неужели они не видели и не слышали, что позади вездехода Тарханова гудит, надрываясь мотором, еще одна машина? Подожди ты, приведи всю колонну в зону действительного огня, а потом уже любопытствуй..

Ощущения только что миновавшей смертельной опасности пока еще не было. Может быть, позже.. Но вряд ли. Не впервые смерть пронесит мимо, сейчас, пожалуй, чуть ближе, чем обычно, но и только.

Сергей наклонился над трупами, чтобы убедиться в окончательности победы, собрать документы, если есть. И только тогда понял, что встретился со старыми друзьями. Это же земляки, чеченцы, как он сразу не понял?

Насмотрелся на них Тарханов за шесть лет первой и второй войны. И на равных встречались, и не на равных, но он вот опять живой, а они – там. В садах Аллаха.

Как подтверждение его догадки, на руке одного из убитых сквозь грязь виднелась наколка кривыми русскими буквами: «Арслан». Левее трупов, выставив тонкий ствол в амбразуру, стоял на сошках пулемет «ПК». Старый, с исцарапанным прикладом и вытертой до белизны ствольной коробкой. Тоже, наверное, помнящий еще первую войну. Рядом, на площадке, скудная россыпь гильз.

В сторонке, на краю водомоины, приспособленной под окопчик, валялись два автомата «АКМС». Брошенные как-то слишком небрежно.

Но что там с водителем?

Тарханов бегом вернулся к машине. Прошитый слева направо через грудь двумя пулями Шайдулин был еще жив, но плох.

Дышал часто, неглубоко, с присвистом. На губах лопались кровавые пузырьки. Все, что до приезда врача мог сделать майор, так это туго перебинтовать ефрейтора, закрыв пулевые отверстия поверх марлевых тампонов воздухонепроницаемыми прорезиненными чехлами индивидуальных пакетов. Для предотвращения доступа воздуха в плевральную полость, как учили на курсах доврачебной помощи.

Он еще вколол водителю полный шприц-тюбик промедола, убедился, что боец пока умирать не собирается, после чего присел на камень, чтобы осмотреться и подумать без суеты.

И только теперь оценил роскошную панораму, открывающуюся с перевала. Судя по карте, отметка высоты здесь была 2556 метров. На западе сливающаяся с небесной голубизной густая синева обозначала Средиземное море. А на восток на десятки километров тянулись,

постепенно снижаясь в сторону Сирийской пустыни, гряды бурых, с белыми пятнами известняковых обнажений, горных хребтов, у горизонта тоже становящихся голубыми.

Сразу от площадки перевала дорога, а точнее, тропа, на которой двум машинам не разъехаться, да и двум всадникам – с трудом, сначала круто, а потом все более полого уходила влево и вниз. С одной стороны бугристая сланцевая стена, покрытая редкими пятнами зелени, с другой – двухсотметровой глубины обрыв.

На двухкилометровке издания российского Генштаба эта дорога не значилась, но, судя по направлению, она должна была километров через тридцать спуститься в долину между Антиливаном и хребтом Маалум и где-то там дальше упереться в шоссе Дамаск – Алеппо.

У любого военного человека автоматически возникает вопрос: что эти неудачливые ребята делали именно здесь?

Ответ тоже не требует особых умственных усилий. В данном случае имеется даже два. Пока – два.

Первый – они ждали именно его, майора Тарханова (или любого другого русского офицера, который вчера проехал в сторону Баальбека, а сегодня поедет обратно).

Очень вероятно. Что стоило тому лавочнику, у которого Ляхов вчера вечером покупал баранину, позвонить кому надо и сообщить, что гяуры кончили пьянку и выехали по единственной дороге в сторону российских блокпостов?

Пускай никакими силовыми акциями против здешних федаинов, контрабандистов или просто против привыкших бесконтрольно перемещаться туда и сюда жителей этих неизвестно кому принадлежащих территорий до сего момента Тарханов запятнан не был.

Да и вообще российский контингент международных сил старался не втягиваться в местные разборки, ограничиваясь сравнительно бескровным недопущением любых вооруженных сил в двадцатикилометровую демилитаризованную зону с обеих сторон.

Зато второй вариант выглядит почти бесспорным. Эти ребята – всего лишь головная застава, посланная прикрыть перекресток до подхода каких-то несведущих в здешнем раскладе сил отрядов.

Плохо проинструктированная, дураком подобранная застава, у которой сдали нервы при виде именно российского армейского вездехода. Англичан они, может быть, и пропустили бы, помня задание, а увидев русскую машину, не сдержались.

Ну что же, не встретились дома, встретились здесь, и пусть ваши матери еще много лет думают, где же сгнили никчемные кости их придурков сыновей, которые могли бы спокойно работать трактористами в родном селе, слесарями на грозненских заводах или стать, если ума хватит, крутыми московскими бизнесменами и политиками, вроде Хасбулатова или этого, как его.. Тарханов не смог вспомнить фамилию чеченца – бывшего кандидата в президенты России.

В любом случае – это уж их проблема, но, в тактическом смысле, стоит подождать кое-чего интересного.

Перекресток дорог, формально оказавшийся в нейтральной зоне между русским, французским и израильским секторами, – крайне удобное место для прорыва на оперативный простор.

Да и ждать уже нечего, все определилось даже быстрее, чем он думал.

Тарханов отнял от глаз обрезиненные окуляры «Беркута». Далеко пока, километрах в двух, из-за поворота каменистой тропы показалась голова колонны, движущейся именно сюда, к перевалу.

Собственная проницательность его отнюдь не удивила, анализ и оценка обстановки в критической ситуации – часть профессии солдата удачи.

Теперь просто надо принимать окончательное решение. Судьбоносное, если выразаться высоким штилем.

Санитарный «Урал» выполз на площадку и остановился рядом с вездеходом. Военврач Ляхов прыгнул на землю из высокой кабины. Пока что лицо его выражало лишь некоторое удивление. Он-то считал, что они с Тархановым попрощались надолго. Капитан возвращался в Сайду, где стоял бригадный медсанбат, а майор собирался продолжить объезд блокпостов вдоль сирийско-израильской границы.

– Что случилось? Колесо пробил? – спросил Вадим и лишь в следующие секунды схватил обстановку.

Трупы на площадке и еле слышно похрипывающий ефрейтор на брезенте, в тени машины.

– Вот так, да? Боец живой? – И, не дожидаясь ответа, опустился на колени рядом с ефрейтором. – Был живой, я сделал что мог.. – ответил Тарханов, как всякий не имеющий отношения к медицине человек, словно бы слегка робея перед носителем высокого знания.

– Пока все правильно, – закончив осмотр, врач разогнулся, застегивая санитарную сумку и вытирая руки клочком смоченной в спирте ваты. – Надо срочно в госпиталь, возможно, и обойдется. Раз пока не умер, приличного внутреннего кровотечения нет. И сердце тикает довольно ровно.

– Вот и вези..

– Повезу, за пару часов доберемся, тем более что дальше в основном под горку. Капустин, готовь капельницу с физраствором и стимуляторами, Старовойтов, тащи носилки. – Капитан приказывал старшине фельдшеру и водителю-санитару как бы между прочим, сам для себя оценивая не только чисто медицинскую ситуацию.

Пока его подчиненные занимались своим делом, Ляхов вышел на площадку, закурил, предварительно еще раз тщательно вытерев руки, осмотрел позицию и мертвые тела.

– И кого они здесь караулили, неужели персонально тебя?

Тарханов взял сигарету из радушно подставленного портсигара, тоже прикурил. Молча протянул врачу бинокль, движением руки указал, куда смотреть.

– Ого! И куда же господа федаины намылились? Солидная компания. Караван с оружием или очередная террористическая группа?

– Пока не знаю. Грубо говоря, там, на тропе, человек полста. В нынешней обстановке и это много.

– И что ты намереваешься делать? Вызывать нашу маневренную группу? Насколько я знаю, им сюда не меньше часа добираться. Американцев? Еще дальше. Братьев евреев? У них в Кирьят-Шемоне танковый полк стоит. Тоже не успеют. Разве что вертолеты..

Тарханов достал из кармана сотовый телефон. Понажимал разные кнопки, разочарованно показал аппарат доктору.

– Видишь, не берет. Горы. Да и батарейки подсели. А мою «Р-126» пулями разбило, так что даже со своим опервзводом не могу связаться. Как твоя рация?

– Никак, – вроде бы весело развел руками Ляхов. – У меня ее вообще нет. На хрена врачам рация? Начальство так думает. Я тебе с полицейского поста вчера звонил. За две пачки сигарет.

– Нормально. У нас только так и бывает..

Ситуация осложнялась. До этого момента Тарханов рассчитывал именно на то, о чем говорил доктор. Тогда ему оставалось бы задержать отряд террористов не более чем на полчаса, что не слишком сложно при данном рельефе местности.

Без связи же и надежды на скорую помощь солидными силами..

Он быстро прокрутил в голове варианты с учетом фактора времени. Голова колонны выйдет на перевал максимум через сорок минут. Ну, через час, если не станут слишком торопиться.

Очевидно, пулеметной очереди и его трех выстрелов они не услышали или не придали им значения. Поскольку идут медленно и спокойно. Столько же ехать санитарной машине до ближайшего поста. Поднять солдат по тревоге, заставить их погрузиться в броневик и вернуться сюда – тоже час. Даже если они стремительно рванутся со всем молодым азартом на единственном «БТР-80», у которого все время барахлит коробка передач.

А бойцов на блокпосту всего пятнадцать, и отозвать всех он не имеет права, поскольку прорыв возможен и там.

Значит, надежда на одно. Отправить Ляхова вниз, до ближайшего израильского патруля, и оттуда вызвать подмогу, вертолеты огневой поддержки. И десант.

Они, конечно, прилетят тоже не раньше чем через час, в самом лучшем случае. Пока информация пройдет по всем инстанциям, пока соответствующий приказ вернется до аэродромов.. Но в этом случае шанс все-таки есть.

– Ну, а хрена ли тебе? – легкомысленно осведомился Ляхов, щелчком отправляя в пропасть окурков и тут же вновь закуривая. – Давай сматываться. Приедем на блокпост, доложим, поднимешь заставу в ружье, выставишь заслоны, и пусть господа командиры принимают решения. Мы что, священные рубежи Родины защищаем? Миротворцы и есть миротворцы. Надо ооновцам, пусть потом протест заявляют сопредельным правителям. Или америкосов в бой шлют. Они навоюют..

Майор испытал приступ раздражения, впрочем, тут же и прошедший. При чем тут доктор? Совершенно правильно рассуждает. Им что, господам миротворцам? Ну, прорвется банда на оперативный простор, убьет пару десятков человек, взорвет что-нибудь. И уйдет восвояси.

Комиссар ООН протест заявит кому положено, иорданский или сирийский представитель на сессии Совбеза выразит сожаление по поводу недоразумения. На том и разойдутся.

– Умный ты парень, Вадим, но не сейчас. – Они с доктором были практически ровесниками, но жизненный опыт Тарханова делал его в реальном времени чуть не вдвое старше. – Во-первых, я на службе, а моя служба здесь как раз и заключается в том, чтобы надежно прикрывать границу от проникновения нарушителей статус-кво. Независимо от целей и убеждений.

Во-вторых, пропусти мы их сейчас, и потом мне же с моими ребятами и придется гоняться за ними по горам, а сколько это займет времени и сколько будет стоить крови – только бог знает. В Чечне после Хасавюрта нахлебались. Ты молодой, не помнишь. Так что элементарная логика подсказывает..

– Понятно, – кивнул Ляхов. – Тогда все понятно. Государь император Петр Алексеевич еще когда говаривал: «Азардовать¹ не велю и не советую, а деньги брать и не служить – стыдно!»

Быстрым и решительным шагом капитан пошел к своему «Уралу».

Тарханов сплюнул себе под ноги. Жаль.

Неужели так торопится доктор побыстрее отсюда смыться? Вроде на Вадима это не похоже.

Майор взглянул на часы. Время пока есть, но мало. Положив планшет на колено, он быстро набросал короткое донесение на листке полевой книжки.

Взревел мотор «Урала».

Тарханов шагнул навстречу машине, плотно сжал зубы, сдерживая себя, чтобы не обматерить доктора.

Вообще-то он в своем праве, и наличие тяжело раненного бойца, отданного под его попечение, обязывает его уезжать побыстрее, но по-человечески просто неприлично слишком уж спешить. Выслушай, что тебе собираются сказать, попрощайся с однополчанином..

¹ Азардовать – проявлять излишний риск, куражиться (устар.).

Кроме записки, Сергей собирался передать комбригу полевую сумку, в которой, кроме карт, секретных должностных инструкций и копий приказов, хранились несколько писем от друзей и знакомых женщин, личные фотографии.

«Все свое ношу с собой». Умирать майор, в принципе, не собирался, но на войне бывает всякое.

Санитарный фургон вырулил на середину дороги, притормозил. Ляхов выглянул из боковой двери.

– Держи-ка, командир, – он протянул Тарханову длинный, обтянутый потертой черной кожей ящик. – Осторожней, не урони, оптика. И вот еще.. – За ящиком последовал квадратный, весьма тяжелый чемоданчик, туго набитая санитарная сумка. Потом на щебенку прыгнул и Ляхов.

– Давай, что ты хотел сообщать начальству?

Тарханов только теперь понял, что доктор собрался составить ему компанию.

Что ж, это меняет дело. Он собирался просить Ляхова, чтобы тот оставил с ним водителя, хотя бы на роль подносчика патронов, потому что одному и стрелять, и набивать ленты не совсем сподручно.

А раз так? Вадим – человек взрослый, сам за себя отвечает и по своим личным качествам безусловно полезнее пацана сержанта будет.

Но все же спросил, как бы возвращая вопрос:

– А тебе это на хрена?

– Знаешь, командир, я сам все думаю на именно эту тему. У нас говорили – сапер ошибается только дважды. Первый раз – когда выбирает профессию. Наверное, я тоже.

– Что – тоже? – Кадровый майор никак не мог понять молодого доктора в лихо сдвинутом на бровь голубом оооновском берете.

– Наверное, ошибся, когда вот этой дурью занялся. – Он показал глазами на футляр. – Но надо же когда-нибудь по правде посмотреть, кто чего стоит.

Санитарная машина ушла, надрывно подвывая мотором, уж больно Старовойтов хотел побыстрее выполнить задание, а оставшиеся вдвоем офицеры, наконец, занялись делом.

Возможно, последним в своей жизни.

Тарханов всегда возил с собой в машине полный комплект вооружения. Пистолет на поясе считал только принадлежностью формы и способом легко уйти из жизни, если припрет.

А так, для дела у него имелся «ПК», полный ящик – два цинка – патронов образца 1908 года, трассирующих и с утяжеленной пулей, а также брезентовая сумка гранат «УРГ-01». Хорошие гранаты, мощные, в рубчатых керамических рубашках и с запалом тройного действия. Это кроме трофейного оружия и автоматов, его и Шайдулина.

– Повеюем, – хмыкнул Ляхов, увидев этот арсенал. Сам он в это время протирал замшевой тряпочкой великолепную, штучной работы снайперскую винтовку, которую извлек из того самого кожаного футляра, похожего на виолончельный.

– Ты ее постоянно с собой таскаешь? – удивился Тарханов.

– А как же? Мало, что я любитель этого дела и где-то даже мастер спорта, так еще и готовлюсь показать «товарищам по оружию» кое-какие фокусы на предстоящей Олимпиаде аж всего международного контингента. По какому случаю известный тебе наш начальник артвооружения майор Миша Артемасов выписал мне из собственной заначки эту вот штучку..

– Ну-ка, – майор взял из рук Ляхова винтовку. Отлично сделанная, с изящным, не штатным армейским, а спортивным ореховым прикладом «СВД»². Ствол и крышка ствольной коробки отливают глубокой матовой синевой. Прицел тоже не стандартный, а цейсовский, с трансфокатором, баллистическим вычислителем и лазерным целеуказателем.

² «СВД» – снайперская винтовка Драгунова обр. 1963 г.

Тарханов щелкнул языком. Он знал, что на складах бригады хранится много всяких интересных вещей, но вот такой винтовочки, доставшейся почти что штатскому человеку, не видел.

Хотя, конечно, бригадный военврач, бесконтрольно распоряжающийся не только спиртом, но и жизнями людскими, имеет совсем другие права и возможности. Мастер спорта, опять же.

– А как у тебя с патронами? – озабоченно спросил майор, поскольку знать состояние боевых возможностей своего подразделения, пусть и маленького, – немаловажно перед серьезным делом.

В пулеметных патронах недостатка не было, но тут ведь, как он знал, другие требуются. Из снайперки стрелять валовым патроном заготовки времен Отечественной войны то же самое, что «БМВ» семьдесят шестым бензином заправлять.

– Нормально с патронами, – беспечно ответил Ляхов, показывая приличных размеров лакированную коробку. – Пятьдесят штук отборных, целевых. Если под руку не толкнут, девяносто восемь из ста гарантированно. Фирмы «Франкот». Ручная работа, каждая пуля и навеска пороха в гильзе измерены, взвешены и снабжены гарантийным сертификатом. Долларов пять каждый выстрел стоит.

– Дай бог, хорошо стрелять будешь, до Олимпиады доживешь. Ладно, потом договорим. – Майор взглянул в прицел.

Шестикратно приближенные, бойцы бандитского авангарда упорно, специфическим шагом привыкших ходить по горам людей, строем по два пылили вверх по тропе.

Расстояние по прямой, не вдоль дороги, а через пропасть, всего семьсот метров. Если начинать стрелять – самое время. А вообще, учитывая все изгибы и перепады рельефа, реально шагаты им даже больше, чем он вначале предположил. Километра два с половиной. Времени в запасе – море.

Они с капитаном ворочали каменные глыбы и плиты, устраивая основную, запасную и отсечные позиции, потом сидели за бруствером, набивая запасные ленты к обоим пулеметам, загребая тяжелые жирные патроны горстями из вспоротых штыком цинков. Руки сразу стали черными.

– Жаль, лент у меня всего три своих и две трофейных. Придется тебе отвлекаться. Так что посматривай, когда я от одного пулемета к другому перескочу, твоя помощь понадобится, – говорил Тарханов Вадиму, размещая свою главную огневую силу по позициям. – А это у нас будет резерв главного командования, на крайний случай, – сообщил он, пристраивая рядом с импровизированными бойницами четыре автомата.

И тут же начал излагать диспозицию предстоящего боя.

– Риска не так и много. Их всего полсотни, и деваться им некуда. Справа стена, слева пропасть. Снизу вверх стрелять неудобно, полверсты под огнем по голому месту пробежать никому не удастся..

– Если они не ассасины какие-нибудь, – вставил Ляхов. – Накурятся анаши, и вперед, не считаясь с потерями.

– Ну, посмотрим. По правде говоря, я рассчитываю, что после первых наших выстрелов их курбаши правильно оценит обстановку и повернет назад.

– А как же они досюда-то дошли? – удивился военврач. – Насколько я знаю, по ту сторону границы французская зона ответственности и где-то возле Кутейфы немецкий батальон стоит. Должны были рокадные дороги и тропы блокировать.

– Или прозевали, или нарочно пропустили, – равнодушно ответил Тарханов.

– Как думаешь, кто это? – спросил Ляхов, подкручивая барабанчики прицела. – Палестинцы?

– Да кто угодно. Эти, которых я приспокоил, чеченцы. А остальные – все, кому жить надоело. Иорданцы, афганцы, опять же чеченцы. Не наша это забота. В общем, ты давай на свою позицию, – сменил тему Тарханов. Он снова посмотрел в бинокль, оценивая расстояние. Время еще было, хотя теперь – в обрез. Как раз хватило покурить. Не торопясь, но глубокими затяжками, поскольку каждый думал, а не в последний ли раз.

И вот, наконец, голова колонны вышла на дистанцию прямого выстрела.

– Давай, Вадим. Пожили, и хватит. Первым не стреляй. А когда я начну, работай по обстановке. Выбивай командиров, если различишь, самых прытких, кто вперед рваться будет, пулеметчиков и гранатометчиков, само собой. Главное – бдительности не теряй. Пару раз стрелнешь, меняй позицию. И за моими командами следи.

– Учи ученого!

Доктор явно храбрился, в серьезном деле он не бывал, но то, что держался с веселым возбуждением, майору понравилось.

Тарханов отложил бинокль, вдавил в плечо приклад пулемета.

Прицел стоял на 800 метров. Он подвел мушку к груди возглавлявшего колонну усатого человека, выглядевшего командиром, уж больно решительно он шагал, положив руки на висящий поперек груди автомат, и слишком хорош был его почти новый черно-желтый камуфляжный комбинезон.

Сергею показалось, что он слышит даже хруст щебня под высокими десантными ботинками. Хотя быть этого не могло.

Кажется, боевик вдруг что-то почувствовал, вскинул голову, и они встретились взглядом. Так это или нет, думать уже было некогда, теплый спусковой крючок подался легко, словно бы сам собой.

Пулемет, как привык это делать за десятки лет своей военной жизни, загрохотал и задержался, подпрыгивая на сошках, и майору пришлось цепко сжимать рукоятку, придавливая вдобавок приклад сверху левой рукой.

Длинная очередь, как он и целился, свалила сначала лидера, потом ударила в плотную массу тел, спешащих, тяжело дышащих под грузом оружия и амуниции, смрадно потеющих, мечтающих преодолеть, наконец, последний подъем и устроить привал.

С лязгом дергался перед глазами Тарханова затворный рычаг, звенели о камни разлетающиеся гильзы, а там, внизу, лег на дорогу и третий, и четвертый ряд.

«Как скошенные», – всплыла в памяти банальная фраза.

Тяжелые пули со стальным сердечником протыкали сразу по несколько тел. Наконец понявшие, что происходит, боевики с криками отпрянули, смешались, метнулись в стороны, а бежать им особенно-то и некуда, или на стену, или в пропасть, чудо, а не позиция!

Натуральные Фермопилы.

Майор расстрелял первую ленту в полминуты, мгновенно перебежал ко второму пулемету. Теперь он выпускал очереди по пять-семь патронов, с рассеиванием в глубину.

Разогнул палец, который начала сводить судорога, только когда увидел, что стрелять больше не в кого. Десятка два тел, раскинув руки или скрючившись в позе эмбрионов, ничком и навзничь валялись на дороге. Выжившие успели залечь, расползлись за камни, слиться с пейзажем или убежать назад, за ближний поворот.

Тарханов вытянул пулемет из амбразуры, откинулся на спину, сел, зашарил по карманам, ища портсигар.

– Порядок, командир, – крикнул ему Ляхов с вершины выступающего над обрывом утеса. – Толково приложил. Скоро не полезут.

– Ты наблюдай, наблюдай, – ответил майор.

В ответ хлопнул один, потом второй выстрел винтовки доктора.

– С Новым годом! – разобрал Тарханов азартный выкрик и не понял, к кому он относился, к ним самим или к неприятелю.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вот уж действительно с Новым годом!

Майор, пользуясь передышкой, налил воды из фляжки в ладонь и вытер потное, закопченное лицо.

Старый год для Тарханова, по зрелом размышлении, прошел, в общем, неплохо. Главной своей удачей майор, естественно, считал то, что словчился попасть в спецкорпус войск ООН по принуждению к миру на Ближнем Востоке. Тут и старый приятель помог, служивший адъютантом у большого начальника в «Арбатском» военном округе, да и прежние заслуги тоже, однако прежде всего – фортуна, почти всю жизнь к Тарханову благосклонная.

Настолько благосклонная, что временами это даже настораживало. Сколько уже боевых друзей погибло и на чеченских войнах, и в других «горячих точках» от Югославии до Афганистана, а он воюет десятый год, и все как заговоренный. Выпустился из Рязанского училища аккурат весной девяносто четвертого, с тех пор так и воюет. Ордена скоро некуда будет вешать, звание подполковника на подходе.

Как пел один хороший бард в девяносто шестом, в Грозном, будто прямо про него:

Служил я не за звания
И не за ордена,
Не по душе мне звездочки по блату.
Но звезды капитанские я выслужил сполна,
Аты-баты..
Россия нас не балует
Ни славой, ни рублем,
Но мы ее последние солдаты,
А значит, будем.. покуда не померем,
Аты-баты..

Как он ни пытался, не мог вспомнить пропущенное слово.

С головой что-то или просто не до этого?

Да, те времена были совсем никудышные, но и тогда выжили, а теперь грех жаловаться, денежки приличные из ооновской кассы капаят, по пять штук баксов каждый месяц.

Но вот этот новый год начинался (а старый, естественно, кончался) как-то не так.

Вместо того чтобы, приодевшись в приличный штатский костюмчик, отправиться в подходящий ресторан в обществе лишенной предрассудков спутницы или хотя бы собраться с друзьями на холостяцкой квартире, Тарханову пришлось нудиться на забытом богом блокпосту в горах Антиливана, чуть севернее стыка сирийско-ливанско-израильских границ.

На то она и военная служба, конечно, и жаловаться на ее лишения и тяготы уставом возбраняется, однако не до такой же степени!

Мало того, что он оказался здесь единственным офицером и новогодний бокал, точнее, алюминиевую крышку от термоса предстояло поднимать разве что вместе с собственным отражением в зеркальце для бритья, так и дизель-генератор в довершение всего сдох аккурат в двадцать ноль-ноль по московскому времени.

Починить его моторист в ближайшее время не обещал, значит, и надежду посмотреть по телевизору новогоднюю программу из России или Европы придется оставить. Зато восковая церковная свеча на столе из предмета дизайна сразу превратилась в утилитарный источник довольно тусклого света.

Тоска, короче говоря.

Однако через час ситуация вроде бы изменилась в лучшую сторону. В очередной раз подтвердив истину, что не стоит раньше времени впадать в уныние, каковое, по православным канонам, является смертным грехом.

Дежурный сержант пригласил Тарханова к телефону, и вместо ожидаемого голоса командира бригады или начальника штаба майор услышал веселый (начал уже праздновать, очевидно) голос бригадного лекаря, капитана медслужбы Вадима Ляхова:

– Приветствую вас, господин майор, в сей предпраздничный момент. Чем изволите заниматься? Уже наливаете или только готовитесь?

Услышав абсолютно нецензурный ответ, медик жизнерадостно рассмеялся.

Хорошо ему зубы скалить, русские медсестрички-фельдшерицы вокруг, готовые разделить с красавчиком доктором не только стол, но и постель, опять же спирта казенного вволю, можно и напрямик пить, и разведенным в меру, и всевозможными коктейлями потешиться. Да, наверное, шампанским Вадим тоже отоварился, в рассуждении спаивания тех же сестричек. Небось в город мотается когда захочет.

– Не поверишь, командир, я почти в аналогичной ситуации. В данный момент пребывая в дыре с ветхозаветным наименованием Хам, тридцать верст южнее славного города Баальбека. Сложный медицинский случай тут образовался, вот меня и вытребовали для консультации. Консультация произведена, и пациент определенно будет жить, но вот на обратном пути у моего «Урала», не скажу плохого слова, с тормозами что-то приключилось, ночью без них по горам ездить как бы нежелательно, и ни в какое цивилизованное место я теперь не успеваю.

Пить же в одиночку, а равно с собственным шофером, считаю безнравственным. И женщины местные к гяурам относятся без всякого пиетета. А если бы и отнеслись с оным, то подверглись бы побиению камнями. Такая вот диспозиция. Так, может, ты бы подъехал, а? Твой шофер моему поможет, а мы посидим, вмажем по чуть.

Все есть и почти уже стол накрыт. Ты же, при обще-известной лихости и знании ТВД³, часа за полтора свободно успеешь.. Так как?

Предложение было дельное. И успеет Тарханов не за полтора часа даже, а максимум за час, ехать тут всего ничего.

– Шайдулин, готовь машину, – крикнул он, откинув полог палатки, водителю. Отдал начальнику поста, средних лет прапорщику, необходимые указания, бросил на заднее сиденье вездехода обычный в поездках пулемет, и через десять минут «УАЗ», хрустя ребристыми покрывками по щебню, повлек майора навстречу скромным радостям походной жизни.

Военврач Ляхов Тарханову в общем нравился, хотя трепачом был первостатейным и не всегда умел вовремя остановиться. Несмотря на то что медик всего год назад пришел в войска с гражданской службы, парень он был нормальный. Чувствовался в нем истинный офицерский шик, который просто так перенять у окружающих или симитировать было невозможно. Это должно быть врожденным, что сам Ляхов и подтвердил при случае, упомянув, что три поколения его предков служили по военной части, только вот он каким-то образом отклонился от родовой стези, да и то, как оказалось, только временно.

Его можно было бы назвать обычным пижоном, если бы не великолепная естественность манер и небрежность, с которой Ляхов носил даже мешковатую полевую форму. В армейскую жизнь военврача вписался легко и быстро, причем почти сразу же приобрел репутацию человека находчивого и в отношениях с начальством независимого.

В бригаде большой популярностью пользовались истории о том, как он унизил, заставив публично просить у себя прощения, тертого жизнью начпрода, а также о том, как Ляхов обеспечивал рыбалку столичного генерала на Тивериадском озере. И с иностранными офицерами

³ ТВД – театр военных действий.

капитан держал себя крайне достойно благодаря умению пить не пьянея чистый медицинский спирт и свободно говорить по-английски.

Все эти подвиги веселили офицеров, но командование относилось к доктору с недоверием и даже некоторой опаской.

Вдобавок врач был великолепным стрелком, что, исходя из привычных стереотипов, для представителя столь мирной профессии казалось несколько странным.

Тарханов никогда бы не поверил, если бы не видел сам и неоднократно, что из обычного «СКС» с открытым прицелом на четыреста метров можно навскидку попасть первым выстрелом в консервную банку.

Поэтому ничего странного не было в том, что Тарханов и Ляхов подружились, в той мере, как это возможно для военных людей, по роду службы встречающихся раз в неделю-другую, а то и реже.

Вадим ждал майора на окраине селения. Его тяжелая санитарная машина, украшенная по бортам большими красными крестами и соответствующими надписями на русском, арабском, английском и иврите, пряталась под кронами старых, перекрученных временем фиговых деревьев.

Светилась синяя маскировочная лампочка над приоткрытой задней дверкой фургона. Дымился костер, вдалеке шумел водопадик на реке Литани, в прохладном горном воздухе отчетливо пахло только что приготовленным «ин леге артис»⁴ бараньим шашлыком.

– Привет, привет, с наступающим вас, ваше высоко-благородие, – Ляхов крепко пожал Тарханову руку, потом приобнял за плечи. Действительно, медик уже принял предварительно сколько-то граммов спиртика, судя по запаху, но был практически трезв.

– У нас впереди целых двадцать пять минут для проводов старого и неограниченно – для обмытия нового, две тыщи четвертого года. Так что – прошу.

В машине-автоперевязочной было уютно. Напоминало каюту парохода. Горели яркие плафоны, опущенный с потолка на блестящих шарнирах операционный стол накрыт со всей возможной в походных условиях роскошью. Окна задернуты кремовыми занавесками, шелестел кондиционер, портативный телевизор показывал московский предновогодний концерт.

– Красиво живете, ребята. Знать бы раньше, сам бы в медицину подался, – сообщил Тарханов, бросая на откидной диванчик берет и расстегивая поясной ремень с тяжелой кобурой. – И поспать есть где с комфортом, и выпивка всегда под руками, и куда пригласить девочку – нуу проблем..

– Кто на что учился.. Однако не знаю, так бы тебе здесь понравилось в ситуации, для которой данное помещение изначально предназначено. Многие brave воины элементарно в обморок грохаются, одним глазком взглянув. Впрочем, не будем о грустном. Садись, и – по первой!

Проводили и встретили, короче, как полагается. Послушали новогоднее поздравление президента, пустили в черное небо зеленую ракету под бой Кремлевских курантов, посмотрели, как люди празднуют Новый год в разных европейских столицах. Пили умеренно, поскольку служба есть служба, но дело же не в том сколько, а в какой компании и с каким настроением.

Плохо только, что санитарочек и фельдшериц в распоряжении доктора не оказалось.

Кстати, о «докторе».

Когда они только что познакомились, медик вручил Тарханову визитную карточку, на которой изящным шрифтом-рондо, золотом по картону цвета слоновой кости было изображено на трех языках:

⁴ По всем правилам искусства (лат.).

«Вадим Петрович Ляхов, капитан, доктор медицины», вместо адреса – номер полевой почты штаба бригады.

Насчет «доктора медицины» майор и полюбопытствовал, когда это, мол, успел он диссертацию защитить и отчего в таком случае не руководит кафедрой в каком-нибудь университете или Военно-медицинской академии.

Ляхов взглянул на него с насмешливым уважением.

– Все крайне просто, мон шер ами. Люди простые по давней нашенской традиции именуют меня именно доктором, что равнозначно в их понимании лекарю. Люди более образованные, вроде вас, непременно интересуются, доктором каких именно наук я являюсь. Вот для тех и других сразу сие и написано.

Что, впрочем, не слишком и далеко от истины, ибо нечто, могущее претендовать на статус диссертации, я таки написал и даже подал в соответствующие инстанции. А поскольку наш кандидат наук соответствует забугорному доктору, то так вот-с..

– Сколько же вам лет, «доктор»?

– Мне, увы, давно уже двадцать восемь.

Тарханов лишь насмешливо хмыкнул, поскольку ему уже стукнуло тридцать два.

Так с тех пор они и начали приятельствовать, встречаясь от случая к случаю, и почти всегда в ситуациях, не самых подходящих для безмятежных развлечений.

Как вот сейчас, например.

Они досидели за шашлыком, напитками и кофе часов до четырех утра местного времени, то вспоминая столичную и провинциальную жизнь на родине, то возвращаясь к более насущным жизненным реалиям.

Заговорили о том, что неплохо бы, получив очередное жалованье, выкроить пару деньков и закатиться, скажем, в Тель-Авив, кутнуть по-настоящему.

Потом Тарханов начал собираться.

– Давай еще по сто грамм, и буду трогаться. Пора мне. Начальство тоже скоро выползет из-за столов и непременно начнет названивать, требовать доклада.

– Подожди. Мне тоже тут больше ловить нечего. Машина готова. Поехали вместе.

.. Тарханов наполнял патронами расстрелянные ленты «ПК». Ляхов, спустившись вниз со своей позиции, возился со вторым пулеметом. При этом он, возбужденный, болтал без перерыва:

– Смотри, майор, потратили всего триста выстрелов, а положили не меньше полусотни. Я где-то читал, что, по американским подсчетам, в настоящее время в сухопутных боях средней интенсивности на одного выведенного из строя неприятеля расходуется 120 тысяч пуль. Значит, больше трех миллионов мы уже сэкономили. По прошлым меркам на небольшую войну, вроде англо-бурской, хватило бы..

Ляхов даже начал пересчитывать это дело в рубли и копейки, но Тарханов довольно резко его оборвал, хотя и понимал причину возбуждения товарища. У всех нервы проявляются по-разному. Конечно, не полсотни террористов они положили, а человек тридцать от силы, но и это много.

И то, что после такого внезапно-сокрушительного удара банда не рванула в панике назад, а наоборот, перегруппировалась и явно собирается атаковать снова, майору очень не нравилось.

Он ошибся и в оценке сил противника. Решил, что их всего около пятидесяти, а оказалось – минимум втрое больше. Скверно, одним словом.

– Успокойся, док. Разговорился.. Лучше водочки прими, пару глотков, только не больше. И не высовывайся, упаси бог. Сейчас они придут в себя и дадут! Сотни две стволов у них есть.

И снова замурлыкал, не слишком музыкально, ту самую песенку. Дошел до забытого места, опять запнулся.

Неожиданно Ляхов подхватил:

– И значит, *надо выстоять*, покуда не помрем,
Аты-баты..

– Чего? Ты тоже эту песню знаешь?

– Нет, по логике текста догадался, – усмехнулся доктор, и майор не понял, шутит он или так и есть на самом деле.

А насчет предстоящего огневого налета Тарханов немного ошибся. Перед тем как начать очередную атаку, с той стороны выдвинули за подходящий камень парламентаря.

Без всякого мегафона, приложив ко рту сложенные воронкой ладони, тот закричал на приличном русском языке:

– Эй, земляки! Уходите. Пропустите нас. Вас не тронем. Здесь делить нечего. Захотите, дома будем разбираться. Ждем пятнадцать минут. Потом не жалуйтесь!

– А ну, Вадик, залепи этому попугаю, – попросил Тарханов, потому что фланговая позиция Ляхова вполне это позволяла.

Капитан сдвинулся метра на три в сторону, засек расположение кричавшего и выстрелил. Попал, разумеется. Чуть ниже левого уха. Так и брызнуло!

И вот тут с той стороны действительно дали.

Гулкие хлопки штурмовых винтовок, частое тарыхтение пистолетов-пулеметов многократно отражались от сжимающих ущелье скал, сливаясь со звуками ударов сотен пуль о камни и тоскливым воем рикошетов.

Спустя несколько минут эта какофония дополнилась раскатистыми очередями крупнокалиберного «браунинга» или «гочкиса», на удивление быстро снятого с выюков, собранного и установленного на позиции.

Этот вой, визг и грохот сами по себе вызывали непреодолимое желание закрыть голову руками и как можно плотнее втиснуть тело в щель между валунами. А ведь весь этот концерт означал, что каждый кубометр пространства исполосован сотнями сгустков горячего металла, и ничтожнейшего из них, даже отбитого пулей осколка кремня достаточно, чтобы навсегда поставить в жизнь офицеров преждевременную жирную точку.

Получилось, что паники вызвать у противника не удалось, он отнюдь не обратился в бегство, напротив, отвечает с вызывающими уважение хладнокровием и твердостью духа. Тарханов подумал об этом с разочарованием, но и только. Первый вариант плана не сработал, будем переходить ко второму.

Ляхов же вообще поначалу ни о чем не думал, полностью поглощенный борьбой с собственной вегетатикой и спинным мозгом. Сказать, что Ляхову было страшно в банальном смысле, – это сказать совершенно не то.

Страшно ему было, к примеру, когда он занимался скалолазанием. Вот там – страшно, до мерзкого ощущения щекочущего холода в животе и ниже, когда висишь над бездной без страховки, цепляясь кончиками пальцев за трещины в стене.

А здесь – нечто совсем другое, с чем сталкиваться пока не приходилось.

Но чем дольше длилась стрельба, а он оставался невредим, тем отчетливее осознавалась простая мысль. Его жизнь сейчас подобна бикфордову шнуру, зажженному с двух концов. Пытаясь продлить свое существование, укрываясь от пуль за камнями, он тем самым укорачивает его, и жить ему ровно столько, сколько нужно фedaинам, шахидам, или кто там они есть, чтобы, прикрываясь огневым валом, пробежать по дороге разделяющее их расстояние. И только подставившись под пули, можно попытаться прожить еще немного.

Но это теория, а на практике очень трудно высунуть голову из-за укрытия под свинцовый дождь. Ужасно хотелось верить, что опытный вояка Тарханов справится и без его помощи.

Вадим скосил глаза. Как он и ожидал, майор не потерял самообладания, откатившись в сторону от огневой позиции, лежа щекой на земле и вывернув шею, что-то высматривал в бинокль.

– Эй, командир, что делать будем?

– Задача прежняя. Бери винтарь и осаживай все, что шевелится. Отползи еще дальше вправо, может быть, по пулеметам достанешь..

«Парень держится хорошо, – подумал Тарханов, – пришел в себя быстрее, чем я ожидал».

Чтобы подбодрить доктора, он бросил ему в утешение древнюю поговорку русских воинов:

– Не дрейфь, док. Не мы первые, не мы последние..

– Спасибо на добром слове.

Ему очень хотелось ответить какой-нибудь подходящей к случаю остроумной иронической фразой, но все имевшиеся у него силы, душевные и физические, Вадим потратил на то, чтобы коротким и резким броском пересечь открытое пространство до камней, за которыми лежала винтовка. К счастью, и сама она, и, главное, драгоценный прицел оказались невредимы.

Все вражеские пули теперь летели левее и ниже и казались уже совсем не опасными.

Вадим дополнил патронами полупустой магазин, еще два сунул за голенища сапог, попластунски переполз на пару десятков метров правее. Щель между камнями, в которую он выставил ствол «СВД», была не шире ладони. Ляхов закурил и окончательно успокоился.

Ему как раз хватило времени дотянуть сигарету до фильтра, и тут ружейно-автоматный огонь с той стороны резко ослабел, только тяжелый пулемет продолжал гулко бубнить, вслепую шаря трассирующими пулями по площадке перевала.

Человек сорок несколькими группами поднялись в атаку. Вот им должно быть по-настоящему страшно. Или нет? Перспектива немедленно попасть в свой мусульманский рай превращает страх смерти в священный восторг?

Но все же они бежали не слишком решительно, паля перед собой из автоматов и ручных пулеметов сплошными очередями, в белый свет по преимуществу.

Ляхов предоставил их вниманию майора, а сам начал искать среди рыжих камней огневую позицию крупнокалиберного «гочкиса».

И довольно быстро нашел. Пулемет притаился за зубчатым выступом, метра на три выше дорожного полотна, Вадиму виден был массивный ребристый цилиндр пламегасителя-компенсатора, вокруг которого то и дело расцветал бледно-желтый веер огня, и полускрытые пыльной дымкой контуры пулеметчиков.

Ляхов выстрелил пять раз подряд с полусекундными интервалами и тут же залег, прикрывая собой винтовку. Характерный стук «гочкиса» исчез из общего звукового фона, ствол его косо задрался в небо. И в ответ с той стороны к Вадиму не прилетело ни одной пули. Значит, пулеметчики надежно выведены из строя, а стрелкового прикрытия у них поблизости не оказалось. Все, способные держать оружие, брошены на передний край.

И словно в подтверждение внизу размеренно застучал «ПК» майора.

.. Боевики бежали дружно. Не слыша ответного огня, они постепенно смелели, ускоряли шаг, подбадривая себя хриплыми несогласованными воплями, так не похожими на дружный рев атакующей русской пехоты.

Тарханов ждал.

Он отчетливо, как это бывает на хорошей цветной фотографии, а не в жизни, видел и отдельные куски щебня на дороге, и красноватую пыль между ними, грязно-зеленые колючки по обочинам, словно плывущие в жарком мареве фигурки боевиков, постепенно, но удиви-

тельно медленно заполняющие пространство внутри и вокруг прицельного кольца. И особенно четко посреди этого библейского пейзажа он видел то место, где их положит. Всех.

Дорога там слегка прогибалась, и группа атакующих оказалась словно на дне глиняной тарелки, отчетливо видимая и лишенная всякого прикрытия.

Первый смертник поравнялся с назначенным ему Аллахом местом. Прикусив губу, Тарханов выжал спуск. Затыльник приклада заколотил в плечо, опять потянуло смешанным запахом сгоревшего пороха и ружейного масла.

Сначала упал человек, в которого он целился специально, потом два, три на левом фланге, еще потом фигурки стали валиться одна за другой, но кое-кто продолжал бежать вперед.

Наконец уцелевшие смешались, повернули обратно, и Тарханов стрелял в спины, и бурозеленые силуэты снова падали, пока пулемет не смолк, проглотив последний патрон.

Из зоны поражения сумели спастись едва ли больше дюжины.

И вот тогда их накрыли минометы. Спрятанные за обратные скаты высот, где их не мог достать и Ляхов.

Одуревший от грохота близких разрывов, от усиливающейся по мере приближения солнца к зениту жары, Тарханов откатился в кювет, под прикрытие массивных колес и кованой рамы вездехода.

Калибр минометов был несерьезный, 50 миллиметров. Уже с 82-миллиметровым по горам особо не побегаешь. И это обнадеживало. По-настоящему опасным могло быть только прямое попадание, шансов на которое не так уж много. Корректировщика у бандитов не было, и большая часть мин падала или недолетами, в пропасть, или с шелестом пролетала над головой и рвалась на безопасном отдалении.

В отличие от Ляхова, который только стрелял, Тарханову приходилось постоянно держать в голове всю картину боя, прогнозировать развитие ситуации, намечать возможные контрмеры.

Первый контрольный срок прихода ожидаемой помощи уже истек, майор наметил второй и, на всякий случай, третий.

Проблема была в том, что, если рассчитывать расход боеприпасов исходя из крайнего срока, возникала опасность не продержаться и до второго.

Ему уже стало совершенно ясно, что какие-то форс-мажорные обстоятельства заставляют террористов прорываться на плато, не считаясь с потерями.

Обычно бойцы самостоятельных бродячих шаек излишней боевой стойкости не проявляли и при малейшем отпоре разбегались кто куда, до более выгодного момента. Сейчас же они вели себя вроде мюридов Шамиля времен Кавказских войн. А раз так – следует любыми средствами не дать закрепиться у них внезапно прорезавшемуся боевому духу. Потом себе дороже обойдется.

Он криком и взмахом руки указал Ляхову новую позицию, теперь – на левом отроге хребта. Единственно, откуда может к ним подобраться враг, если вдруг найдутся в отряде толковые скалолазы. А найтись могут, если там еще остались живые чеченцы.

Во время коротких пауз во вражеской артподготовке майор опять стрелял, очередями покороче, чем вначале, и все время считал, сколько остается патронов.

Иногда, откатившись под надежное прикрытие, торопливо выкуривал в три затяжки сигарету, черными от медной окиси руками набивал очередную сменную ленту.

От жары, непрерывного грохота, вонючего дыма тротила мысли начинали путаться, а он все пытался сообразить, что же все-таки надо боевикам, ради чего они лезут с таким упорством на уничтожающий огонь? Наверное, потеряли уже половину банды, а лезут. Давно бы оттянулись назад, рассыпались по горам и шли к своей цели другими путями. Или все они тут одинаково сумасшедшие?

Не понимал он и того, почему сам до сих пор жив. Да это было ему, в общем, безразлично уже. Просто пули, осколки и он оказывались все время в разных точках пространства-времени. Хотя каждое следующее мгновение все могло кардинально измениться.

«Эх, сейчас бы „град“ сюда», – с тоской подумал он.

Ляхову было немного лучше. Он наблюдал тот шквал разрывов, который метался по площадке перевала, как бы из ложи бенуара. Лишь изредка мимо пролетал верещащий осколок или просвистывала пуля, шальная по преимуществу. В работе снайпера главное – без толку не высовываться, а выстрелив, тут же менять позицию.

А вот Тарханов его восхищал. Как уж ему удавалось выжить среди частых всполохов разрывов, бог весть. Но когда начиналась очередная атака, минометный огонь стихал, и тогда пулемет бессмертного майора снова начинал злобно стрекотать.

Вадима подмывало кинуться вниз, поддержать оборону вторым пулеметом, но хватило здравомыслия оставаться там, где ему было указано. Потому что минут через двадцать после того, как он занял позицию, из за зубчатой кромки скальной террасы вдруг высунулась голова, обмотанная зеленой тряпкой. За первым появились еще трое, с короткими автоматами за плечами. Нашлись-таки рискованные ребята, вскарабкавшиеся по почти вертикальной стене. Утерли пот со смуглых, в грязных разводах лиц и, не опасаясь неожиданностей, выставив перед собой стволы, скользящим шагом двинулись вперед.

Не будь Тарханов столь предусмотрительным, тут бы и конец всей обороне. Перестреляли бы их сверху вниз в минуту.

А так это сделал Ляхов. Ровно четыре беглых выстрела, когда последний бандит получил свою пулю раньше, чем успел упасть первый, и статус-кво восстановлено.

К этому времени Вадим догадался о невозможности собственной смерти.

Оказывается, все очень просто. По принципу «ретроградная амнезия». Известно, что если человек получает, допустим, удар палкой по голове и теряет сознание, то, очнувшись, он забывает все, непосредственно предшествовавшее удару. И потеря памяти на прошлые события может распространяться на разный срок, от нескольких секунд до минут и даже часов.

Так вот, если я жив и мыслю сейчас, как я могу это делать, если через секунды или минуты буду убит? Став мертвым (а смерть – это тот же обморок, только без возврата), я не смогу вспомнить о том, что думал и делал перед смертью. Если я это делаю, значит, я в ближайшее время не умру!

Эта идея пришла к нему скорее в виде смутной догадки и требовала дальнейших размышлений и уточнений. Другие-то, каким образом они умирают под нашими пулями? Значит, у них все происходит иначе. Ладно, главный вывод бесспорен, а теорией займемся позже..

Вадим подполз к краю обрыва, осторожно выглянул. Отсюда ему открылась полная картина поля боя, от вражеских тылов и до позиции Тарханова. Буквально через пару минут выявилась интересная штука – имелся какой-то нервный узел, или мозговой центр колонны, вокруг которого все и кипело.

Те бойцы, что были впереди, постоянно пытались атаковать, прорваться к перевалу, задние – суетились, мельтешили, как муравьи при пожаре, подносили мины к двум установленным посреди дороги минометам, стреляли, похоже, совсем не целясь, из винтовок и автоматов, обеспечивая огневую поддержку, высылали вперед новые группы резерва.

А центр, около десятка ничем внешне не отличающихся от прочих боевиков, устроившихся в глубокой расселине скалы сразу за поворотом, оставался неподвижным.

Похоже, там и помещался командир всей этой группировки, отсюда и идет импульс беспощадной воли, заставляющий всех прочих умирать безропотно и даже с азартом, как это делают пчелы, жалящие напавшего на улей медведя.

Эх, догадались бы они с Тархановым с самого начала затащить сюда пулемет.. В винтовке оставалось всего четыре патрона. В кого стрелять конкретно?

Зато есть три гранаты в рубчатых оборонительных рубашках. Тарханов дал их Вадиму на крайний случай, предупредив, что одну обязательно надо оставить.

– Дойдет вдруг до этого, не убьют и бежать некуда – последняя твоя. Рви кольцо и не горюй. Здесь не Европа, в плену ловить нечего. Соображаешь, о чем я?

– Да уж не бином Ньютона. Кстати, а не помнишь, в чем там смысл? Поговорка в памяти осталась, а что это за штука – забыл напрочь.

– Я – тем более. Что-то насчет «а» плюс «б» в квадрате, на что-то деленное или умноженное. И хватит трепаться. К бою!

Ну, к бою так к бою.

Ляхов прополз вперед еще пару десятков метров и, прикинув, что отсюда добросит наверняка, швырнул вниз одну за другой обе гранаты, со взрывателями, поставленными на удар.

Как учили, отпрянул назад, чтобы случайно не задело. Осколки, разлетающиеся на триста метров, иногда имеют странную способность сдуру попадать так, что ни один снайпер не словчится.

Первый взрыв внизу он услышал, а второго – уже нет. Вдруг его не то по голове ударило, не то скрутило эпилептическим припадком. Остатками сознания Вадим еще успел оценить это именно так.

Мир долго вращался вокруг него, скалы тряслись и рушились, совершенно как в фильме «Золото Маккены», одновременно что-то непонятное сыпалось сверху.

Мышцы, все сразу, что примечательно, сводило жесточайшей судорогой, и еще от рвотных позывов его корчило на острой щебенке так, что, мотая головой, он в кровь рассекал себе подбородок и щеки.

Потом сознание погасло, не слишком быстро, как раз чтобы Ляхов еще успел подумать, что вот оно то самое и есть.

«Ретроградные секунды» перед смертью, в которые он решил не верить.

.. И так же сразу все прошло. Не оставив после себя никаких особенных последствий соматического типа. Единственно – в голове слышалось нечто вроде замирающего звона прекративших праздничный благовест колоколов.

Еще через полминуты Вадим сообразил, что никакие не колокола, а обычные вертолеты приближаются. Догадка превратилась в уверенность, когда в лицо ударил горячий ветер и обвальный грохот турбин.

Над перевалом косо скользнули силуэты сразу трех тяжелых «Си-60» огневой поддержки. В горячке и азарте боя, который они уже мысленно договорились считать последним, и Тарханов и Ляхов о такой возможности забыли и думать.

Ляхов подхватил винтовку и заспешил вниз.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

.. Военврач сидел на камне, опираясь на винтовку, а за плечо его тряс средних лет летчик в синем комбинезоне. Приличный кусок времени выпал у Вадима из восприятия. Совсем низко над головой проворачивались по инерции лопасти ротора. На площадке хватало места только для одной машины, остальные две выписывали восьмерки над серединой ущелья, и с их подкрыльевых пилонов то и дело срывались дымные полосы НУРСов.

Летчик что-то говорил, но Ляхов не слышал его, слишком сильно гудел двигатель, да и голову заполнял неприятный, томительный, глухой, как сквозь вату, звон.

И вообще он не очень хорошо понимал, где находится и что с ним происходит. Более-менее отчетливые впечатления остались только от самого момента взрыва и появления вертолетов. Все, что было до, словно подернулось густым туманом. И цветовая гамма вокруг казалась странной, он смотрел на мир будто сквозь толстое оранжевое стекло.

Потом он увидел у себя в руках фляжку и сделал несколько длинных жадных глотков, с опозданием поняв, что там не вода, а коньяк. Что ж, тем лучше.

– Где майор? – с трудом ворочая языком, спросил Ляхов.

– Какой майор? Русские погоны у твоего напарника, капитан⁵ он. Все в порядке, уже в машине, зацепило его, но не очень сильно. Пойдем, лететь пора.

– Сейчас, – ответил Ляхов, – мне еще барахло забрать надо. А что же вы так долго, мы вас ждали-ждали. Еще бы десять минут – и конец.

– Что значит долго? Как приказ получили – в полчаса уложились.

Ляхов с недоумением посмотрел сначала на летчика, потом на свои часы. Он совершенно точно помнил, что последний раз они показывали без пятнадцати одиннадцать и было это не меньше получаса назад, еще до того, как он разделался со скалолазами. А сейчас обе стрелки сошлись на цифре «X».

– Постой, постой, братец, вы когда приказ получили?

– Ровно в девять, у меня и в боржурнале записано. Я ребят по тревоге поднял, боезапас уже загружен был, топливо долили и взлетели. В девять тридцать пять были над целью. Я как раз тебя увидел, ты нам фуражкой махнул и показал, куда ракеты пускать.

– Ни хрена не понимаю! – Вадим потряс часы, приложил к уху. Шли они нормально. Оставалось предположить, что он просто в горячке боя перепутал большую стрелку с маленькой.

– А вы молодцы, ребята. Сколько накрошили вдвоем! Теперь вертите дырки для орденов. Глядишь, под это дело и нам что-нибудь обломится..

Ляхов хотел спросить, как зовут его спасителя, но тут же забыл о своем намерении. Все же сильно не по себе ему было. Ладно, успеется, мелькнула, похоже, такая мысль. Не последний день живем..

Он повернулся и пошел не туда, где оставил среди камней и футляр с принадлежностью от винтовки, и санитарную сумку, и китель, а вниз по дороге.

Вид густо покрывающих дорогу тел, пробитых его и Тарханова пулями и посеченных разрывами ракет «воздух – земля», отнюдь его не расстроил. Смотрел в лица бородачей и почти безусых юнцов, разномастно одетых в пятнистые комбинезоны, халаты, старые английские кителя-хаки и не чувствовал совершенно ничего. В смысле раскаяния или душевных терзаний.

⁵ В Российской армии чин капитана соответствует европейскому званию «майор». Обозначается погоном с одним просветом без звездочек, но относится к старшему комсоставу. Титулован – «ваше высокоблагородие».

Ну, накрошили кучу бандитов, озверевших то ли от анаши, то ли от ложно понятого религиозного и национального долга, так на то и служба.

Присяга и все такое. Переживания героев Ремарка в Мировой войне были ему совершенно чужды.

«Нет, я понимаю, контузия, – думал он профессионально, несколько удивляясь охватившей его эмоциональной тупости, – но все же..»

За поворотом, как раз там, куда он бросил свои гранаты, Ляхов увидел мертвых ослов с двойными серыми выюками на спинах, убитых погонщиков, а чуть дальше – лежащего на спине пожилого араба или перса в зеленой чалме и новом коричневатом-рыжем мундире неизвестного фасона. Ни в одной из европейских армий таких не носили. И на ногах тяжелые ботинки с крагами.

Отброшенные взрывом, напротив старика разбросали ноги и руки еще два бойца помоложе, в таких же униформах. Между ними завалился набок зеленый алюминиевый цилиндр с крышкой на барашках, похоже, армейский походный термоконтейнер, оснащенный брезентовыми лямками для переноски за спиной. В его боках тоже выделялись дырки и вмятины от чугунных осколков.

Жрать они, что ли, собирались, перед тем как он бросил свои гранаты?

Но это все ерунда, никчемные проблемы переставших жить людей. А вот кое-что поинтереснее..

Перебитой и вывернутой в локте рукой с торчащими бело-розовыми костями хаджи⁶ сжимал кривую саблю в богато украшенных ножнах и сверкающим россыпью камней эфесом. Сабля наполовину вытянута из ножен, будто в последний момент ее хозяин собирался пустить ее в дело, да не успел.

Ляхов нагнулся и вырвал оружие из начавших костенеть пальцев трупа. Сунул подмышку. Хорошее будет пополнение прадедовской и дедовской коллекции трофеев.

Есть там палаши немецких кирасир, сабли венгерских гусар, много всякого российского холодного оружия, а теперь будет и настоящая бедуинская сабля.

Дальше идти ему не захотелось, да и сил не было. Вадим собрался повернуть обратно, но что-то заставило его наклониться над контейнером. Через самую большую пробоину он увидел отнюдь не плов и не гороховый суп, а сломанные и раскрошенные электронные панели, торчащие обрывки проводов.

Радиостанция, что ли? Не слишком похоже. Сделав некоторое умственное усилие, Вадим подумал, что следует взять эту штуку с собой. Может быть, пригодится связистам или кому-нибудь еще.

Забросил ремень на плечо. Весу в трофее было килограмм десять. На не слишком верных ногах побрел обратно.

Отсюда их позиция на перевале была почти неразличима. Камни, за которыми стояли пулеметы, сливались с общим серо-рыжим фоном пейзажа, бойниц и совсем не было видно. Но когда подошел поближе, то увидел, что валуны иссечены пулями сплошь, что называется, не оставалось на них живого места.

Он медленно шел обратно по дороге смерти, вяло размышляя, радоваться ему, что выжил все-таки, или горевать. Отчего вдруг горевать нужно, Вадим не слишком понимал, но чувство было отчетливым.

Над головой скользнули почти бесшумно две тускло-синие тени с большими белыми шестиконечными звездами на бортах. Израильские «Супер-Алуэтт» с турбовинтовыми движками, не ревущими, как дизели русских вертолетов, а глухо свистящими. Один пошел на посадку за спиной Ляхова, а второй ушел на восток.

⁶ Хаджи – мусульманин, совершивший паломничество в Мекку.

.. «Сикорский» долго гремел и трясся над горами, и Ляхов постепенно вернулся к ощущению реальности. Сугубо помогли еще несколько глотков из фляжки второго пилота. Тарханов лежал рядом на куче брезентовых чехлов и был без сознания, но состояние его у Вадима опасения не вызывало.

Буквально в самый последний момент капитан не уберется. Один осколок мины, наверняка ricochetный, ударил его в левую бровь и наискось ушел к затылку, но кости черепа не пробил, а второй распорол китель и не очень глубоко – длинную мышцу спины.

Конечно, крови вытекло порядочно, с пол-литра, но повязка наложена, тубик протившоковой смеси введен, состояние, как говорится, соответствует тяжести диагноза. Обойдется. Если, конечно, не разовьется от травмы отек мозга.

Самое интересное, что у Тарханова имелась в машине тяжелая каска-сфера, и, если бы он ее надел, был бы сейчас в полном порядке, но понятия офицерской чести не позволили.

Как, мол, так, я буду в каске, а боевой товарищ – без.

.. Пилот не стал тянуть до военного аэродрома, имея на борту тяжелораненого офицера, а, связавшись по радио, посадил машину на каком-то израильском гражданском, куда уже подали санитарные машины.

Вдоль взлетно-посадочной полосы стояли крыло к крылу многочисленные частные авиетки, двух- и четырехместные. Помогая выгружать носилки с Тархановым, Вадим совершенно не обратил внимания, как из открытой дверцы самолета человек в пестрой гавайке и ермолке-кипе верующего иудея, успевший, очевидно, ухватить какие-то обрывки информации, несколько раз щелкнул Ляхова профессиональной камерой с телеобъективом.

.. Большие штабы всегда вызывали у Вадима ощущение, близкое к тому, какое бывает после нескольких часов хождения по Эрмитажу или Лувру, – смесь усталой скуки и раздражения. И попадая в таковые (штабы, а не музеи), стремился по мере возможности поскорее оттуда удалиться. Благо в его чинах и должности это случалось не слишком часто.

Сейчас все было иначе. Ляхов, подкрепивший алкоголем и без того обостренное пережитой опасностью чувство самоуважения, почти совсем успокоился и «вошел в меридиан», как выражаются моряки. Оттого держался уверенно и с достоинством, как и подобает человеку нетщеславному, но вполне знающему цену себе и своему поступку и не собирающемуся эту цену умять.

Он хотел сначала заехать к себе в санчасть, умыться и переодеться, а потом уже являться «на расправу», но сопровождающий офицер подрулил сразу к двухэтажному кирпичному коттеджу справа от КПП.

Неизвестно, как это вышло, но первым его встретил на пороге штаба бригады начальник одного, подполковник фон Брайдер, отношения с которым у Ляхова были сложные.

С самого первого дня вступления Вадима в должность. Только-только он познакомился с личным составом, принял по списку штатное имущество и погрузился в изучение оставленных ему предшественником документов, как в кабинете раздался телефонный звонок.

– Господин капитан, – услышал Ляхов голос оперативного дежурного. Следует отметить, что поскольку погон военврача 3-го ранга отличался от общearмейского капитанского только серебром плетения и ярко-зеленым просветом, то никто и не затруднялся произносить три слова вместо одного. – Господин капитан, вам следует явиться в штаб и расписаться в книге приказов.

Прогулявшись пару сотен метров по центральной линейке от медпункта до штаба, Ляхов вошел в остекленную выгородку дежурного, полноватого поручика, слишком пожилого для своего чина.

– Что тут у вас?

– Извольте расписаться. Согласно приказу начальника штаба вам следует сегодня в двадцать два ноль-ноль заступить старшим городского патруля.

– Че-его..? – нецензурно удивился Ляхов.

– Старшим патруля, – терпеливо повторил поручик Бойко. – Все штаб-офицеры в очередь ходят в патруль.

– Интересно, какой дурак это придумал? – не имея в виду ничего плохого, просто так вырвалось, поинтересовался Ляхов.

– Если вам угодно – то я. На основании устава внутренней службы и положения о статусе Экспедиционного корпуса на зарубежных территориях.

Ляхов обернулся. На середине лестницы, ведущей на второй этаж, внушительно возвышался сам вышеупомянутый подполковник фон Брайдер. Его летний кремовый китель был туго стянут застегнутым на первые дырочки ремнем, лицо выражало одновременно и уверенность в себе, и некую обиду.

– Прошу прощения, господин подполковник (еще одна тонкая бестактность, в личном общении приставку «под» следовало опустить), но я предполагал, что здесь виноват не иначе как один из штабных писарей. Кому еще могло прийти в голову..

– О чем вы? Я сказал – на основе Устава каждый старший офицер должен как минимум еженедельно состоять начальником патруля. Сегодня – ваша очередь.

Ляхов возликовал. Как сейчас великолепно можно позабавиться, жаль только, что в присутствии поручика, всего лишь обер-офицера, нельзя говорить того, что он собрался сказать.

– Прошу прощения, господин подполковник, не пройдем ли мы в более уединенное помещение?

– Зачем? Расписывайтесь в журнале – и приступайте.

– Но все же..

Когда, наконец, с трудом сдерживающий улыбку Ляхов увлек фон Брайдера в тупичок коридора, тон его стал совсем иным. Жестким и даже непочтительным, но только для понимающего человека. Тут уже сказался пример отца – крупного чиновника-администратора.

– Позволю вам напомнить, ваше высокоблагородие, что приказом военного министра от такого-то года за таким номером категорически запрещается привлекать офицеров медицинской службы к нарядам, прямо не связанным с исполнением ими своих профессиональных обязанностей.

– Вы служите у меня в строевой бригаде, – сорвался Брайдер, – а то, о чем вы говорите, относится к госпиталям и прочему.

– Не имею возражений. Напишите мне только, пусть и в журнале – «во изменение и дополнение приказа военного министра приказываю...» И распишитесь. Через две минуты я возглавлю не только патруль, но и похоронную команду, если потребуется.

Естественно, все происшедшее мгновенно стало известно всем офицерам бригады, отчего авторитет доктора существенно вырос, а подполковник, отчего-то вообразивший, что подробности инцидента разгласил сам Ляхов, затаил на него, выражаясь словами классика, «некоторое хамство».

И вот сейчас Ляхов встретился именно с этим человеком.

– Докладывайте, – мрачным тоном предложил фон Брайдер, когда они оказались в его кабинете с огромной рельефной картой Израиля и примыкающих территорий, исполненной двумя солдатами срочной службы в обмен на досрочную демобилизацию.

Ляхов доложил, показав на карте, где, что и как произошло.

– Ну и какого черта вы во все это влезли? Граница нашего района – вот, а воевали вы – вот, тем самым вторгнувшись на сопредельную территорию и создав предпосылки для дипломатического конфликта.

– Не ко мне вопрос, господин подполковник. Насколько я знаю – капитан Тарханов – комендант этой зоны, соответственно решение принимал он. Я же в меру сил выполнял его приказы.

– А он вам начальник, чтобы его приказы выполнять? Что-то в других случаях вы гораздо лучше помните свои права.. господин военврач третьего ранга. Насколько мне известно, представители вашей профессии вообще не имеют права принимать участие в боевых действиях. Согласно Гаагской конвенции.

– Согласно упомянутой вами конвенции, – начал заводится Вадим, – в боевых действиях не имеют права участвовать врачи – некомбатанты, то есть лица, носящие не военную форму той или иной воюющей стороны, а лишь нарукавную повязку с красным крестом либо с таким же полумесяцем. А поскольку медицинскому составу Российской армии присвоена соответствующая форма, погоны, которые я имею честь носить, а равно и табельное оружие, то в случае угрозы как находящимся под нашим попечением раненым, так и нам лично мы имеем право участвовать в боевых действиях наравне с прочими военнослужащими.

Что, впрочем, должно быть вам известно и без моего доклада.

Неизвестно, чем бы закончилась эта «беседа», поскольку Брайдер начал заметно накаляться, а в гневе он иногда умел быть страшным, а Ляхов уступать не собирался, принадлежа к тому типу людей, которые отнюдь не боятся собственного начальства больше, чем неприятеля. Но загудел зуммер селектора.

– Что? Так точно, подполковник фон Брайдер, господин генерал. Ляхов? Так точно, у меня. Да, разговариваем. Имею к нему серьезные претензии. Что? Так точно, понял, слушаюсь!

Начальник штаба положил трубку, вытер пот со лба обширным клетчатым платком.

– Значит, это.. Приехал заместитель комкора генерал Филиппов. Желает вас видеть. Значит, так, что тут у нас – это наши дела, семейные. А там – смотрите. Не забывайте, по службе к вам есть серьезные замечания. Думаете, я не знаю, как ваши бойцы на подработки к местным торговцам ходят? А начальник медснабжения корпуса на вас докладную писал по поводу нерационального расходования казенного спирта. Так что имейте в виду. Однако если что, мы вас в обиду не дадим. Своих не сдаем. И рекомендации будут самые благоприятные.

– Слушаюсь, господин полковник. Душевно благодарен.

В принципе, он был совсем неплохой человек, только зануден моментами и излишне самоуверен. А так служить с ним было можно. Гадости если кому и делал, так только по приказу свыше и без всякого удовольствия.

Ляхов сейчас испытывал странное чувство. В медицине это называется «дежа вю». То есть как будто все происходящее с ним уже было. И этот разговор с Брайдером тоже. Вадим знал, что и кем будет сказано, на две-три фразы вперед. В зависимости от темпа разговора.

Звонок от генерала он тоже предвидел и ничуть не удивился, когда он прозвучал. Вернее, он-то удивился, но именно тому, что ждал его и все вышло именно так, как следовало.

– Да, а что тут у вас? – вдруг заинтересовался подполковник, обратив внимание на саблю, завернутую в плащ-накидку и небрежно брошенную на просторный деревянный диван в углу кабинета.

Обычно такие диваны стояли на железнодорожных вокзалах, в залах ожидания первого класса. Массивный, темно-желтого дерева, без всякого лака матово сиявший от более чем столетней полировки суконными штанами пассажиров.

Ляхов присмотрелся и с удивлением сотрудника Шлимана, раскапывавшего Трою, увидел, что и вправду на спинке дивана глубоко вырезан причудливый вензель: «ЮЗЖД» (то есть Юго-Западная железная дорога) – и небольшой двуглавый орел сверху. Выходит, кто-то во время оно исхитрился привезти сюда этот диван из самой Одессы или любой станции между нею и Екатеринославом.

– Вы о чем, Юрий Манфредович? – прикинулся непонимающим Ляхов.

– Вот это. Сабля?

– А! Да так. Подобрал на поле боя. Типа трофей.. Кстати, имею право, – и Вадим привычно забубнил статьи уставов и конвенций, признававших за военнослужащими использовать подобранное на поле боя оружие и снаряжение, отнюдь не относя данное деяние к статье «мародерство».

Но Брайдера волновало совсем не это.

Он вцепился в саблю, извлек ее из ножен, жадно осмотрел, только что не обнюхав клинок, и вдруг начал читать Ляхову лекцию об истории холодного оружия, вполне толково, хотя и монотонно излагая все, что накопила к этому времени мировая археологическая мысль.

Вадим успел уловить разницу между египетскими, греческими и римскими пехотными и кавалерийскими мечами, узнал, что двуручных мечей вообще нигде на вооружении не состояло, а если где в музеях они и экспонируются, то являются копией с единственного, впрочем, давно утерянного образца, изготовленного для театрализованного карнавала при дворе короля Оттона Первого.

Сабля же представляла собой тип так называемой гурды, выкованной из натуральной дамасской булатной стали, ничем не уступающей пресловутым японским мечам, сиречь «ката-нам», которые после нескольких тысяч проковок могли рассекать наплывающий на них по ручью осенний лист.

– Да вот, любуйтесь..

Подполковник сначала легкими движениями заточил концом клинка синий карандаш «Тактика» до тонкости шила, потом подбросил в воздух свой носовой платок и попытался разрубить его в полете, но не попал.

Не смутившись, фон Брайдер сообщил Вадиму, что такими клинками свободно можно подпоясаться.

Подпоясаться тоже не удалось, но в крутую параболу сабля согнулась и выпрямилась без всякой остаточной деформации.

Слегка балдея от потока информации, Ляхов приготовился выслушать еще и сравнительные характеристики арабских, турецких, русских драгунских сабель и шашек всех двенадцати российских казачьих войск, как телефон зазвонил снова.

– А? Что? Да-да, идем. Просто завершали формальности.

Брайдер раздраженно бросил трубку.

– Да опять генерал этот, мать его туда, так, обратно и с перевертом в центр мирового равновесия! Поговорить с человеком не даст. Слушай, капитан, а я и не знал, что ты так здорово в оружии соображаешь.

Это при том, что Вадим за последние десять минут не промолвил ни слова.

– Вот так служишь, служишь с людьми и вдруг открываешь их с совершенно новой стороны. Поехали бы мы с тобой ко мне в родовой замок.. Ну, это недалеко от Мальборка. Возле Минска. Я б тебе показал коллекцию. Так что, саблю продашь?

– В смысле? – оторопел Ляхов. Вроде как на эту тему они точно не говорили.

– При чем смысл? Продашь, нет? Пятьсот шекелей даю.

– Пардон, крискамрад⁷, я пока при деньгах, и меня генерал ждет. А вот если на хранение оставить..

– Не хочешь? Зря. А оставить можно. Вот здесь.

Подполковник открыл аляповато раскрашенный под дуб железный шкаф, где хранились пачки каких-то пыльных папок.

– Клади, куда со всем этим, право..

⁷ Крискамрад – боевой товарищ (нем.).

Ляхов сложил и пашку, и контейнер, и даже свою медицинскую сумку на дно шкафа. Только винтовку оставил при себе.

Брайдер запер дверцу и протянул Вадиму бронзовый, с широкими фигурными бородками ключ.

– Держи.

– Да зачем, что вы, я и так, – по-интеллигентски стал отнекиваться доктор.

– Бери, бери. Мало ли что. Будешь потом опять болтать не по делу.

Ляхов сунул ключ в карман, щелкнул каблуками, отдал честь, второпях – левой рукой, поскольку в правой держал винтовку, и заторопился к выходу.

.. Поскольку Тарханов был срочно отправлен в госпиталь, вся первоначальная слава досталась одному Вадиму.

Обычно в строевых частях, расквартированных в метрополии, по команде передаются только рапорты, обрастая по пути резолюциями и комментариями, упомянутые же в рапортах люди остаются на своем месте. Но сейчас начальство решило отступить от установленных канонов.

Вероятно, им, начальством, руководило естественное любопытство. Не каждый день и даже не каждый год полустатские военврачи вступают в бой с целым вражеским батальоном (если перевести численность разгромленной банды в понятные категории) и побеждают без единой царапины.

Проходя через приемную перед кабинетом генерала, он услышал негромко брошенную каким-то полковником-порученцем, которых немало здесь толпилось, фразу, заставившую его усмехнуться:

– Хрен знает что! Подвезло этому лекарю. Лучше б из нас кто-нибудь на его месте оказался..

Наконец Ляхов оказался на ковре (в буквальном смысле, красивом багдадском ковре) посреди огромного кабинета целого гвардейского генерал-лейтенанта, как был, в продранных на коленях бриджах и пыльных сапогах, исцарапанных и потертых на носках до белизны о щебенку. Только китель, который Вадим перед боем снял, оставался достаточно чистым, а грязь, кровь и пот с лица он успел смыть еще на аэродроме из водоразборной колонки.

Доложившись, смотрел он на генерала независимо и как бы даже дерзко, памятуя о словах, услышанных в приемной. И продолжал эксперимент, пытаясь угадать, совпадет ли поведение генерала с тем, как оно ему представляется. Сам он надеялся на награду, прямо сейчас извлеченную генералом из сейфа. Правом награждать отличившихся на поле боя командование корпуса обладало. До креста «За боевые заслуги» первой степени включительно.

– Кто вы по должности, капитан?

Вадим ответил.

Генерал негромко выругался. Ляхов не уловил, удивленно или разочарованно.

– Вот, – сказал зам командующего сидящему за приставным столиком очень молодому и симпатичному подполковнику. Тот смотрел на Вадима крайне доброжелательно, вроде даже подмигнул незаметно для генерала. – Все у нас не по-людски. То бандиты именно на нашем участке прорываются, то доктор из себя заградотряд изображает. Как, доктор, страшно было? – вновь обратился генерал к Вадиму.

– Не знаю, господин генерал, не понял пока. Тут одним словом не скажешь.

– Ну-ну, – постучал тот пальцами по столу. – А стрелять где научился? Стрелял-то ты лихо. Человек полтора вы там положили?

– Сто тридцать шесть только убитыми, – подсказал подполковник, и Вадим удивился, кто их там успел посчитать, и словно бы впервые ужаснулся огромности этого числа. Каких – не слишком важно, – но ведь людей же..

По своей основной специальности он спас от смерти вдесятеро меньше. Был бы верующим – вовек не отмолиться.

И еще мелькнуло – такое на Героя тянет. Это уже из знаний о прецедентах минувших войн. Во рту стало сухо, и в груди появилась мелкая щекочущая дрожь. Неужели действительно Героя дадут? Это ж тогда сколько возможностей откроется! И по службе и вообще.

Он понимал, что мысли эти и недостойные, и преждевременные, но избавиться от них уже не мог. Тем более что не кто иной, как Петр Великий некогда писал: «А ежели в армии окажется человек, награжденный всеми без изъятия наградами, так немедленно надлежит учредить новую, дабы никого не лишать побуждения к новым подвигам». То есть мечтать о крестах и орденах и стремиться к их получению – дело не только не зазорное, а, напротив, высочайше одобряемое.

А на вопрос генерала он ответил:

– Стрелять учился.. Как придется. В детстве отец учил, из «монтекристо»⁸, потом в спортклубе, потом упражнялся от случая к случаю.

– Отец – кто?

– Старший инспектор кораблестроения⁹ на казенных заводах в Гельсингфорсе.

Генерал побарабанил пальцами по столу. Непонятно, в каком смысле. Устраивал ли его высокий социальный статус доктора или, напротив, он видел в этом определенные сложности в дальнейшем, Вадим сообразить не мог. Здесь ему новообретенная способность к предвидению отказывала. Возможно, потому, что вслух об этом ничего не было сказано.

– Хорошо, капитан. Излагайте. Понимаю, вам уже надоело повторять одно и то же, но тем не менее. Будьте так любезны.

Ляхов изложил, теперь – более четко и сдержанно.

Дослушав, генерал еще помолчал, рисуя квадратики и стрелки на раскрытом бюваре.

– Что ж сказать. Молодцы. Не растерялись и сумели остаться в живых. Благодаря за образцовое выполнение зада.. – Запнулся. При чем тут задание? Но быстро нашелся. – За образцовое выполнение воинского долга и проявленные при этом мужество и героизм. И вы, и ваш товарищ будете достойно отмечены. Надеюсь, он скоро поправится. Не смею задерживать.

Вадим ответил как положено, повернулся как можно четче и с чувством облегчения вышел в приемную, показав хорошую строевую выправку и подготовку. За ним вышел подполковник, представился. Оказался он по фамилии Ларионовым, по имени Владимиром, помощником командующего по нравственному воспитанию личного состава, а в дальнейшем – просто милейшим человеком.

– Поздравляю, капитан. Официальная часть кончилась, а теперь начнутся вещи приятные. Не откажетесь со мной отобедать?

– Чего же отказываться. Жрать хочу нестерпимо, а более того – надраться до положения риз. Кстати, не знаете, как там мой Тарханов?

– Нормально, смею думать. Его отвезли в лучший израильский госпиталь, поскольку квалификация тамошних врачей на порядок выше ваших здешних коллег, вы уж не обижайтесь.

– Чего обижаться, и без вас знаю. Сам такой. А где бы мне пушку свою пристроить? – Ляхов имел в виду штучной работы токаревскую снайперскую винтовку «СВТ-41» с фирменным клеймом: «Мастер Л. Новицкий, в Туле. 1966 год. № 42/2», подаренную отцом после того, как Вадим победил в чемпионате Петрограда. У своего начштаба он ее оставлять не стал, а здесь отчего-то решил, что можно.

Винтовка Ларионова заинтересовала. Похоже, он тоже был знатоком и ценителем.

– Вещь. В первый раз такую вижу. Номер что значит?

⁸ «Монтекристо» – тип малокалиберной винтовки.

⁹ Чин морских инженеров, соответствующий генерал-лейтенанту по Адмиралтейству.

– На тот момент этим мастером всего было сделано сорок два экземпляра, в указанном году это вторая.

– Впечатляет. Но прицел-то не родной?

– Разумеется, тогда таких еще не придумали, это я уж сам.

– И стоит винтовочка?..

– Подороже хорошей машины.

Подполковник щелкнул языком, уважительно провел пальцами по изящному, не стандартно-армейскому, а спортивному ореховому прикладу, который сегодня Вадим здорово исцарапал, таская по скалам, по отливающим глубокой матовой синевой стволу и крышке ствольной коробки.

– Да, вещь, – повторил Ларионов. – Давай в ружьомнату сдадим под расписку. И поехали.

Подполковник Ларионов лично отвез его в портняжную мастерскую интендантства, и там за полчаса на него отлично подогнали новую повседневную униформу в тропическом исполнении, выдали весьма хорошие сапоги, мягкие и легкие, не иначе как для старшего комсостава, и все прочее, положенное по арматурной ведомости, причем совершенно бесплатно.

Ляхов привычно подумал, что все это и многое другое, наверное, будет списано под факт участия офицеров (скольких?) корпусного управления в непосредственных боевых действиях. Он бы и сам при случае поступил бы так же и сразу начал соображать, какую собственную недостачу в инструментарии и медикаментах следует оформить аналогичным образом в рапорте по команде.

Затем они довольно быстро домчались в вертком зеленом «Виллисе» до Хайфы, где в российском сэттльменте¹⁰ Вадиму отвели двухкомнатный номер в гостинице.

В буфете на этаже они с подполковником наскоро перекусили и тут же отправились в генеральскую сауну, где все было обставлено по полной программе.

Ларионов почти до полуночи развлекал Ляхова и от души развлекался сам, совершенно не касаясь обстоятельств недавнего сражения.

Вадим быстро понял, что для нового приятеля все это не более чем повод на всю катушку использовать полученный карт-бланш для собственного удовольствия, но не видел в этом ничего плохого.

Лови момент, как говорится, а у фронтовых офицеров этих моментов выдается не так уж и много.

Собеседником Володя оказался подходящим, остроумным и эрудированным, поскольку закончил знаменитый Львовский военный университет по факультету журналистики и психологии.

Однако постепенно, по мере выпитого, Вадиму начало казаться, что миссия подполковника заключается еще и в том, чтобы лишить его какой-либо свободы передвижения и исключить незапланированные контакты с кем бы то ни было. Но с кем? Знакомых у него тут не было.

Выпили, нужно сказать, они крепко. Вино растормозило Вадима, он все время возвращался к перипетиям минувшего боя, вспоминая все новые подробности, которые совершенно прошли мимо его внимания утром. В первом часу ночи Ляхов вдруг спохватился, что надо бы забрать из шкафа Брайдера свои трофеи.

– Что за трофеи?

Ляхов, как мог, объяснил, не слишком вдаваясь в подробности.

– Не беспокойся. Завтра съездим. Если вещь и в самом деле стоящая – тебе повезло.

– Стоящая, антикварная.. Брайдер не ошибается, – убежденно заверил Вадим, остатками трезвого сознания подумав, что, возможно, говорить об этом и не стоило бы.

¹⁰ *Сеттльмент* – огражденный и охраняемый район в городе для проживания иностранцев, пользующийся правом экстерриториальности и управляющийся администрацией соответствующей метрополии.

Возвращаясь в номер, Ляхов увидел себя в большом, во всю лестничную площадку второго этажа, зеркале. Еще раз на мгновение протрезвев, поразился своему виду – бледное, хотя обычно от спиртного он краснел, лицо, как-то нехорошо горящие глаза, неприятно подергивающаяся щека.

– Д-да, видок, – он старался выговаривать слова отчетливо, – словно господин под.. полковник Рошин в ресторане «Балчуг» после взятия Москвы. Ну, когда они с Васькой Тепловым надрались, а потом поссорились. А? – дернул он за рукав Ларионова. – Изволили почитать роман «Ясное утро», сочинение господина графа Толстого? Не Льва, а, совершенно напротив, Алексея Николаевича?

Ляхов чувствовал, что его ведет, но ничего не мог с собой поделать.

– Ерунда. Все в порядке, – освободил руку Ларионов. – Офицер, особенно после боя, таким и должен быть – слегка выбрит и до синевы пьян.

– Ну, ерунда так ерунда. А вообще-то жуть..

У двери своих комнат он остановился, внимательно осмотрел подполковника с ног до головы.

– Раз такая вот штука и ты сегодня угощаешь, а я, наоборот, на казенный счет гуляю, рас-порядитесь, ваше высокоблагородие, господин полковник, шампанского в номера. На сон, так сказать, грядущий.

И действительно, стойко просидел в кресле, куря одну за другой сигареты, не осоловевший, а напротив, как бы высушенный до звона (как солдатский сухарь), пока не принес официант шампанское в неременном ведерке со льдом, и лишь тогда, выпив подряд два бокала, сказал усталым и совершенно трезвым голосом:

– Ну, спасибо за все, господин полковник. Спасибо за приятный вечер. А сейчас, если позволите, пожелал бы – спать. День какой-то.. такой получился. Новогодний, одно слово. Отпразднуем Новый год в ночь с тридцать первого на третье! Пусть новый две тысячи пятый принесет нам всем удачу и.. процветание. Честь имею кланяться.

Попытавшись одновременно встать и поклониться, Ляхов чуть не упал, но все же сумел сохранить равновесие.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Утром Ляхов проснулся на широкой, чуть ли не трехспальной кровати в освещенной только что поднявшимся из-за рыжих гор солнцем комнате. Проснулся на удивление трезвым, без всяких похмельных синдромов. Слишком силен был предыдущий стресс, и все перегорело без остатка. Только немного хотелось пить.

До девяти часов местного времени Ларионов не появился и никак о себе не напомнил, что, признаться, Вадима сильно удивило. Возможно, в силу возраста и отсутствия острой необходимости вставать так рано подполковник просто спит еще у себя дома, а то и похмеляется, зависимо от склада организма.

Ляхов рассудил, что, поскольку никаких распоряжений на сей день он не получил, ни предписывающего, ни запрещающего характера, сидеть в номере нет никаких резонов. Куда приятнее будет выйти прогуляться на недалекую набережную, попить здешнего пива.

В Хайфе он до этого был только два раза. И она ему сразу понравилась. Почти как Одесса, даже больше. Поскольку экзотичнее.

Хайфа по примеру Шанхая, Гонконга, Манилы, Касабланки, Кейптауна, Луанды считалась открытым городом.

Российский, германский, итальянский сэттльменты, российская военно-морская база, где на рейде слегка дымили трубами крейсера Средиземноморской эскадры «Рюрик», «Громобой» и «Пересвет». Каждую неделю от городского причала отходили скоростные паромы до Одессы, Новороссийска, Сочи и Сухума.

Уютные аллеи и широкие зеленые проспекты европейского города, вполне цивилизованные, хотя и имеющие выраженный левантский акцент еврейские кварталы, и тут же рядом арабская часть, похожая на средневековую мавританскую Кордову.

Главное же – из полумиллиона местного населения триста тысяч выходцев из России и еще тысяч двадцать постоянно проживающих или прибывших по собственной надобности российских граждан.

Короче, Ляхов, если что, согласился бы пожить в Хайфе годик-другой.

Чем плохо? Отличный климат, чистое море, пляжи, много ресторанов, где вечерами собирается почти вся «русская» и действительно русская богема. Деловые люди, морские офицеры, просто состоятельные люди, захотевшие приобщиться к Святой земле. Звучит почти исключительно отечественная музыка, от романсов до джазовых импровизаций в стиле Утесова и Лундстрема.

Но сегодня совсем в другом деле. Вадим все пытался пробиться сквозь вчерашний туман в голове к настоящей жизни.

Кажется, все нормально. Утреннее январское море выглядит великолепно. Густо-синее, чуть тронутое рябью. В нем, конечно, вполне можно было бы и искупаться, вряд ли температура воды ниже нормальных восемнадцати градусов, но здесь свои обычаи.купаются только в сезон. Залезший в море в январе будет выглядеть как минимум идиотом.

Ляхов увидел неподалеку кафе на пять столиков под полосатым полотняным тентом. Алюминиевые пивные бочки рядом со стойкой выглядели столь заманчиво, что он не нашел в себе сил продолжить неспешную прогулку.

Немецкий в гимназии он изучил вполне прилично, и ему не составило труда выдать его за идиш. Впрочем, и идиш в Хайфе далек от классического. Скорее – «пиджин-идиш», в котором можно употреблять русские, немецкие, еврейские и польские слова почти в любой пропорции, грамматика тоже достаточно свободная.

Хотя, конечно, буфетчик наверняка владел русским языком. Здесь по-русски говорил, похоже, почти каждый.

Высокую кружку горького, сильно пенящегося пива Вадим выпил залпом, закусил щепоткой соленых орешков, почувствовал, что душу охватывает особого рода умиротворение, как бы даже радость.

«Эх, хороший денек, – вспомнилось ему присловье отца. – Кто вчера умер, сегодня жалеет».

Да уж, пожалуй есть кому. А он вот жив и намеревается извлечь из этого факта максимум удовольствий.

Ляхов закурил, ввиду отсутствия посторонних глаз, не стесняясь, потянулся. Вторую кружку он будет пить медленно, смакуя каждый глоток, а там посмотрим.

Прислушался к себе.

Нигде не саднит в душе, совесть не шевелится?

Да нет, все нормально. Он только выполнил свой офицерский долг, как говорится – ничего личного. Но сам факт, что подобное желание самодиагностики пришло ему в голову, насторожил.

Чеховщина какая-то. Или Достоевщина.

Он щелкнул пальцами, подзывая буфетчика.

– Что будет угодно господину?

– Музыка какая-нибудь у вас есть?

– Конечно, есть. Чего бы вы хотели?

– Местного. Протяжные еврейские песни в европейской аранжировке..

– Гиула Гил вас устроит?

Ляхов знал эту певицу. Действительно, то, что нужно. Мягкое контральто, почти нью-орлеанский темперамент, и в то же время отчетливый библейский привкус текстов. Поскольку поет она на древнееврейском. На иврите то есть. Возможно, что-то подобное исполнялось при дворе царя Соломона.

Хорошо было смотреть на левантийскую природу, пить пиво, слушать музыку, радоваться по новой обретенной жизни и размышлять не торопясь, с легким хмельком, со вчерашнего на сегодняшний, в голове.

Собираясь в командировку, Вадим полистал кое-какую литературу, повествующую об истории и обстоятельствах создания государства, где он сейчас проводил время с таким приятствием.

Сама идея возрождения собственного государства никогда не покидала евреев, но современную мотивацию она обрела в девяностых годах позапрошлого века. Однако, вместе с книгой Теодора Герцля, вполне могла оставаться на том же уровне практической реализации, как и традиционный тост «На будущий год – в Иерусалиме». Если бы не ход европейской истории после Мировой войны.

Году примерно в 1925-м необыкновенно сближенные общей судьбой тогдашние правители России и Германии наряду с прочими проблемами вдруг озаботились и «еврейским вопросом». В этих странах суммарно проживало около шести миллионов евреев, и совершенно непонятно было, что же с ними делать. Собственно говоря, время от времени аналогичная проблема начинала занимать то египетских фараонов, то королей испанских.

В разбитой, униженной, переживающей тяжелейший экономический кризис Германии все громче звучали призывы на законодательном уровне обеспечить права «настоящих арийцев», ущемляемых еврейским ростовщическим капиталом.

Россия тоже после окончания Гражданской войны испытывала сложности в национальном вопросе. Вроде бы все обстояло нормально – царские дискриминационные законы отменены, «черта оседлости» ликвидирована. Но евреи не хотели и не могли забыть махновских и петлюровских погромов. Польские, украинские и великорусские шовинисты, в свою очередь,

умело и старательно обыгрывали слишком уж активное участие еврейства в большевистском мятеже и Гражданской войне.

До серьезных неприятностей дело пока не доходило, но атмосфера понемногу накалялась.

Трудно сейчас сказать, кому первому пришла эта идея, немецкому канцлеру Ратенау или российскому премьеру Пуришкевичу, но очень быстро она получила всеобщее признание и поддержку.

Идея простая до примитива – создать на практически бесхозной после развала Турецкой империи территории Палестины государство Израиль под российско-германским протекторатом. И организовать, при помощи идейных сионистов, массовую репатриацию.

Достаточно быстро по историческим меркам, всего за двенадцать лет эта идея была реализована, хотя и возникли определенные трудности с Англией, Францией и сопредельными арабскими королевствами и княжествами. Однако, после того как план создания «национального очага» поддержал Рузвельт и многочисленная американская диаспора, дело сладились.

Какое-то время процессу создания еврейского государства ожесточенно сопротивлялись так называемые сионские мудрецы. Те самые, которые уже лет пятьдесят собирались на свои жутко законспирированные конгрессы в дебрях Полесья, где у них, по слухам, имелась великолепно обустроенная база, охраняемая вымуштрованными отрядами «Хагана», а за отдельную мзду – расквартированным поблизости лейб-гвардии Житомирским гусарским полком. Протоколы этих конгрессов издавались только для своих под грифом «ДСП»¹¹, но удивительным образом, неизвестно кем, немедленно публиковались в открытой печати от Сан-Франциско до Владивостока.

Некоторые циники утверждали, что таким образом пресс-центр «мудрецов» здорово экономил на бумаге и расходах по распространению, поскольку выходило, что свои получали инструктивные тексты практически бесплатно, а прочая публика, кроме крутых антисемитов, все равно считала «Протоколы» злобной фальшивкой.

Так вот целям «мудрецов» вроде бы отвечало, наоборот, как можно более глубокое укоренение евреев на тех территориях, где они проживают в настоящее время. Возрождение же Израиля, провозглашали они, вообще не людское дело, этим займется Мессия после своего пришествия.

Но, опять же, злые языки заявляли – более всего «мудрецов» нервировало отсутствие гарантий, что законно избранное правительство «Дас Нойе Исраиль» согласится считать их и в новых условиях «руководящей и направляющей силой».

И меры противодействия они попытались поначалу предпринять очень серьезные, вплоть до организации массовых беспорядков в еще сохраняющихся кое-где добровольных гетто.

Но для спецслужб России и Германии не составило особого труда разыскать и изъять достаточное количество агитаторов, которые после соответствующих профилактических бесед сообразили, что лучше согласиться на переселение в «незаконный» Израиль, чем в совершенно законную Сибирь. И скоро не было более горячих сторонников возвращения на «историческую родину».

Правда, сопровождалось обустройство государства-новорода бесчисленными пограничными конфликтами и тремя полномасштабными войнами, но когда и какое большое дело в истории обходилось без этого?

Зато сейчас в Израиле проживало уже около десяти миллионов человек, Россия имела военно-морскую базу, так сказать, «тет-де-пон», перед входом в черноморские проливы, а Германия, осуществив вековую мечту, провела железную дорогу Берлин – Стамбул – порт Эйлат.

¹¹ Для служебного пользования.

На середине второй кружки к Ляхову, небрежно извинившись, подсел мужчина лет за сорок, одетый в костюм спортивного покроя из тончайшей кремовой чесучи, худощавый, светловолосый и сероглазый, но что-то все равно выдавало в нем еврея. Другой, может быть, и не догадался бы, но у Ляхова был врожденный дар, этнографический, что ли. Национальность любого встреченного человека (европеоидной расы, конечно) он определял навскидку. Причем сам не всегда понимал, как это у него получается.

Удивляться Вадим не стал. Всегда есть люди, которые в совершенно пустом ресторанном зале подходят к единственному занятому столику.

Незванный гость положил на соседний стул мягкую велюровую шляпу, прислонил к подлокотнику массивную, инкрустированную серебряными бляшками трость, с немецкой методичностью выложил перед собой сигаретную пачку, золотую зажигалку, подвинул пепельницу. Коротко бросил возникшему за спиной кельнеру:

– Мне – коричневого мюнхенского..

Очевидно, тут его знали, потому что почти немедленно были поданы сразу две литровые фаянсовые кружки.

Незнакомец отхлебнул из ближней как-то хитровато, по-свойски, взглянул на сделавшего неприступное лицо русского офицера, явно не склонного к случайным знакомствам.

– Думаете, господин капитан, что они тут за хамы, эти аборигены. – Русский язык незнакомца был безупречен, только некоторая жесткость согласных звуков мешала.

– Отнюдь, уважаемый. В чужом монастыре.. Кроме того, у вас, возможно, есть причины. Тоска заела, жена ушла, в карты проигрался, а поделиться не с кем. Извольте. Раз так хорошо знаете язык, так и то знаете, что нет лучше объекта, которому можно поплакаться в жилетку, чем в меру интеллигентный русский человек. И тоже выпивающий в одиночку.

– Bravo, Вадим Петрович. Вы не только отважны, но и по-настоящему умны. Это облегчает..

– Что? – жестко спросил Ляхов, сразу вспомнив инструкции и советы корпусных контрразведчиков.

– Да нет, не вербовку, господин капитан. Мы же с вами действительно товарищи по оружию. С русскими мы играем в открытую. Я на самом деле сотрудник центрального аппарата «Зихергейстдинст»¹² и честно прошу вашего разрешения на приватную, в чем-то даже конфиденциальную беседу, пока вы оказались вне контроля моих коллег с вашей стороны.

– А что, для такой беседы есть основания?

– В том-то и дело, Вадим Петрович, в том-то и дело. Просто вы оказались в несколько необычной ситуации, и мы, зная кое-какие тонкости, хотим вам помочь, посоветовать и так далее.

«Вообще-то все вербовки так начинаются, что бы он там ни говорил, – подумал Ляхов, – но отчего бы и не поболтать? Ума хватит сообразить, когда начнется нечто нежелательное».

– А кстати, с кем имею честь?

– Майор Розенцвейг. Референт Восточного департамента. Специалист по вопросам контртерроризма.

– Странно, – сказал Ляхов. – С вашей внешностью и языком.. Логичнее было бы заниматься Западом или Севером.

Розенцвейг засмеялся и махнул рукой.

– Не думаю, что в вашем Генштабе китайское направление ведут китайцы или калмыки. С ним нельзя было не согласиться. Хотя сомнения остались.

– Итак, господин майор? А звать-то вас как? Вы меня знаете, я вас – нет.

– Можно – Григорий Львович. Вполне корректная транслитерация.

¹² Служба безопасности (*идиш*).

– Ну, говорите. Мы с вами в одинаковых чинах, поэтому можно без церемоний. Розенцвейг посерьезнел.

– Я так понимаю, что ваше руководство пока еще не поставило вас в известность о ситуации, в которой вы оказались. Возможно, у них есть свои резоны, но скорее всего это обычная безалаберность. Или наплевательское отношение к всякого рода рискам. «Авось, небось да как-нибудь».

– Что за ситуация? По-моему, это я не далее как вчера ставил руководство в известность о том, что случилось на перевале. И доложил вполне исчерпывающе. О чем еще можно говорить? Все закончилось. Теперь лишь бы мой друг поскорее встал на ноги.

– Если бы так. Что вы с коллегой отважные офицеры и великолепные стрелки – бесспорно. Большого не смог бы сделать никто. Беда в том, что..

Израильский контрразведчик нервничал, теперь это стало ясно Ляхову. Например, огляделся он как-то слишком напряженно, будто опасаясь слежки. И немедленно это подтвердил словами:

– Вообще-то и сидеть нам с вами здесь не так уж безопасно. Впрочем, нас надежно прикрывают, да и времени прошло пока немного, день-другой в запасе, пожалуй, имеется. Но я бы на это не слишком рассчитывал.

«Цену он себе, что ли, набивает? – подумал Вадим. – Кого здесь вообще можно бояться, а главное – почему?»

– Ни вы, ни даже вся наша служба до последнего момента тоже не понимали смысла происшедшего, – продолжил майор, тоже закуривая. – Вроде бы тяжелая, но все же рядовая стычка пятидесятилетней необъявленной войны, одной из тех, что десятками идут по всему периметру цивилизованного мира. У нас покруче, конечно, но все же.. Сколько мы таких караванов и разведгрупп уничтожаем чуть не каждый месяц. Однако сейчас не тот случай. Резонанс от него сразу возник немыслимый.

Розенцвейг уставился в переносицу Ляхова требовательно-вопрошающим взглядом.

– Вы там, кажется, выбрали какой-то сувенир?

– Это вы о чем? – изобразил непонимание Вадим.

– О сабле. Была там какая-нибудь сабля?

– А-а.. Теперь понял. А в чем вопрос? Подобрал. Сама на глаза попалась. Какой-то старый фанатик таскал с собой по горам антикварную вещицу. На счастье, наверное, – он попытался состричь, но сразу понял, что выходит не то. – Ну, не бросать же. Не я, так другой взял бы. Те же летчики или из ваших кто. Нормальный трофей. Причем подобран на нейтральной территории. Ваше государство претензий иметь не может. Разве только наследники этого старика.. Да и то вряд ли хоть один суд признает их права. – Он замолчал, понял, что словно бы оправдывается. А в чем? И, главное, перед кем?

Розенцвейг выставил вперед обе раскрытые ладони.

– Разумеется. Никто и не собирается оспаривать ваших прав. Хотя лучше бы вы оставили ее там, где увидели. Тогда одной проблемой было бы меньше. Для вас лично.

Делая после каждой фразы солидный глоток пива или же затягиваясь сигаретным дымом, майор поведал изумленному, а теперь уже и встревоженному Ляхову нечто, более уместное в сборнике рассказов Стивенсона или Конан Дойла, нежели в нормальной жизни.

Пресловутая сабля, по словам Розенцвейга, была не просто антикварным изделием средневековых оружейников, а неким талисманом, одновременно символом власти и святыней одной из исмаилитских сект, восходящей непосредственно к «скрытому имаму», легендарному потомку и правопреемнику самого Магомета. И слух о ее исчезновении уже разнесся по всем исмаилитским общинам Ближнего Востока, если не дальше.

– Так быстро? – наивно удивился Ляхов.

Майор приоткрыл в ироничной усмешке длинные желтоватые зубы.

– Если бы вчера утром было утеряно знамя вашего полка..

Вадим понял.

Не понял он другого – чего ради столь ценную реликвию потащили в горы, на рядовую да вдобавок плохо организованную акцию. Ей бы храниться под тремя замками в недоступной крепости.

– Вот именно, – согласился с ним Розенцвейг. – Мы тоже обратили на это внимание. Но факт есть факт. И теперь каждый исмаилит, а также многочисленные добровольцы других убеждений, желающие заработать, будут искать святотатца днем и ночью, здесь и до самого края света.

«Веселенькая перспектива, однако», – подумал Вадим, пока еще не осознавая полностью, чем это ему грозит. Но неприятный холодок уже скользнул по спине.

– Так, может, вернуть им ее с извинениями да и забыть об этом. Еще и вознаграждение получить, – бодрясь, хохотнул он.

– Можно было бы. Однако это уже не поможет. Преступление заключается уже в том, что рука неверного коснулась святыни. И должна быть отсечена с соответствующими ритуалами. Да и за смерть шейха кто-то ведь должен ответить? Мало того..

Майор пригубил вторую кружку, потом решительно отодвинул ее в сторону.

– Не хотелось бы вам об этом говорить, но летчики, которые вас вывезли, вчера вечером были похищены из своей казармы, а сегодня в пять утра их нашли. Увы, мертвыми. И со следами изощренных пыток.

Ляхова передернуло. И снова ему показалось, что слова майора он слышит уже во второй раз. Просто сразу он не сосредоточился, разморенный погодой и пивом.

– А по всей линии ваших постов вдоль границы, которыми командовал капитан Тарханов, идут непрерывные стычки. Такое впечатление, что они или прощупывают нашу оборону, или любой ценой хотят захватить пленных. Пока не удастся. Сегодня в пять утра все свободные части вашей бригады ушли им на помощь.

– А ваши? – жестко спросил Ляхов.

Может быть, оттого и Ларионов к нему не зашел. А что там с Брайдером и оставленными у него трофеями?

– Все-таки давайте продолжим беседу в другом месте, – предложил Розенцвейг, вставая.

– Бойтесь? – как можно небрежней спросил Ляхов. – Под не вам назначенную пулю попасть бойтесь?

– Не о пуле речь, пуля – это слишком просто. И быстро. Кроме того, здесь и сейчас, – он подчеркнул последнее слово, – непосредственная опасность нам не грозит. Просто в другом месте беседовать будет удобнее. Так пойдете?

Вадим подумал, что в данной ситуации вполне свободно можно оказаться в положении тех несчастных летчиков, которым он обязан жизнью, но выказать страх после вчерашнего как бы и недостойно. Жаль только, что даже табельного пистолета при нем нет.

– Да ради бога. Только покажите мне ваш документик, если есть. Так, для порядка.

Розенцвейг показал. Фотография и какая-то печать наличествовали, номер подразделения службы национальной безопасности ни о чем Ляхову не говорил.

Уходя, он машинально бросил взгляд на застывшие на рейде русские крейсера. «Неплохо бы, – подумал Вадим, – оказаться сейчас не здесь, а там, под защитой оливково-серой брони. Туда никакие исмаилиты не проберутся. А также джинны, иблисы и ифриты.

Черт знает что, мистический триллер в духе „Тысячи и одной ночи“ на заре третьего тысячелетия».

– Вы уверены, что гибель летчиков напрямую связана с нашей историей? Нет ли тут другого повода и другой причины?

– Не был бы уверен, не говорил бы. Агентура у нас работает. Все именно в этой связи. Если бы вы приземлились на военном аэродроме, ребята прожили бы немного дольше. А так..

Среди персонала аэропорта у террористов агентов полно. Выяснили, что только этот вертолет садился на поле боя. Именно эти летчики – первые, кто с вами контактировал. Они же вас и привезли. На глазах у десятков людей. К сожалению, мы пока не знаем, что именно они сказали под пыткой.

– А что они могли вообще сказать? Прилетели, подобрали, высадили на аэродроме. И отправились водку пить, как у летунов заведено. Зачем их было убивать? Они за стаканом без всякого принуждения рассказали бы все, что знали, и многое сверх того.

– Вы руководствуетесь логикой европейца, – усмехнулся майор. – Мы – люди восточные.. – наткнулся на иронический взгляд Ляхова. – Да-да, это так, невзирая.. В Европе наши предки жили три-четыре века, но тысячелетиями-то – здесь. И с арабами двоюродные братья. Мстить и они, и мы умеем. Так что летчикам скорее мстили, чем требовали информации. Я это лучше вас понимаю. Если надо, мы руководствуемся теми же эмоциями. Просто у нас организация лучше. Когда погибли наши спортсмены на Олимпиаде, мы потратили чуть не десять лет, чтобы выявить всех виновных, разыскать их и уничтожить. Последним – главаря банды. Он скрывался в Южной Америке. Не помогло. Ему оторвало голову, когда он снял трубку телефона в каракасском отеле. Настройтесь на нечто аналогичное. Вас будут искать и преследовать до конца. Желательно, конечно, до их конца, не до нашего с вами.

Вадиму стало не по себе, однако ответил твердо:

– Ничего, как-нибудь. Волков бояться..

– Смотрите сами. Мы вам, конечно, поможем, насколько в наших силах.

.. Идти было недалеко. Два квартала вниз по круто спускающейся в сторону моря узкой зеленой улице, до крыльца изящного двухэтажного особняка за чугунной оградой, почти скрытого густыми кипарисами и неизвестными, терпко пахнущими вечнозелеными кустарниками.

Никакой вывески около дверей не было, однако наличие в вестибюле вооруженного пистолетом-пулеметом «галил» охранника говорило о том, что здание это официальное.

Охранник отдал честь майору в штатском и равнодушно скользнул взглядом по русскому офицеру в форме.

– Ваши люди плохо воспитаны, – намеренно громко сказал Ляхов по-немецки.

– Что с них взять, это штатские люди, хотя и при оружии. Воинские уставы для них мало что значат.

В просторном кабинете на втором этаже, несмотря на открытую балконную дверь, держался стойкий запах табачного перегара. Курили здесь постоянно и свирепо.

– Присаживайтесь, Вадим Петрович. Еще пива? Увы, здесь только консервированное.

– Тогда не надо. Я вас слушаю.

– Перед тем, как посвятить вас в суть происшедшего и обсудить ситуацию, в которой все мы оказались, я попросил бы вас подробно, буквально по минутам рассказать мне все, что случилось вчера. С точки зрения вас и вашего товарища.

– Сто раз я уже это своим начальникам рассказывал, да и пилоты ваших «Алуэттов» все своими глазами видели. Надоело, знаете ли.

– Понимаю. Тогда, если не затруднит, – только самое начало. Как вы попали на перевал, как уничтожили передовую заставу и что вас подвигло не убраться оттуда побыстрее, а принять бой в не слишком выгодных для вас условиях.

– Условия как раз были самые выгодные. Даже две сотни человек мы держали.. – Он хотел сказать, четыре часа, и тут же вспомнил про удивительный временной сбой. – Некоторое время. А если бы их было в пределах трех-четырех десятков, как вначале предположил Тарханов, – вообще делать нечего.

– Резонно. Но все же – ответьте на вопрос. – Майор водрузил на стол портативный магнитофон последней модели, пишущий не на нихромовую проволоку, а на коричневую пластиковую ленту. Поставил между собой и Вадимом грушевидный микрофон на гибкой ножке.

Стараясь быть точным в существенных деталях, но избегая всего, что касалось их с Тархановым личных взаимоотношений и разговоров, Ляхов восстановил события, начиная с момента, когда он услышал первые выстрелы и увидел съехавший в кювет вездеход Сергея. До того, как на дорогу вытянулась гибкая змея колонны и заварушка началась.

– Вот и все.

– Благодарю вас. Вам не кажется странным, отчего дозор террористов первым открыл огонь?

– С самого начала показалось. Если они прикрывали проход столь мощного отряда, да еще и возглавляемого шейхом, или имамом, как там его, чего проще было пропустить одинокий вездеход. Или совсем неопытных парней в дозор послали, или им показалось, что русские их заметили.

– Вы не допускаете, что они знали, кто едет в машине, и решили его уничтожить сознательно? Капитан Тарханов в этих краях – человек известный, смерть командира самого боеспособного на участке подразделения многим на руку.

– Могло и так быть. Я в нравах и обычаях бандитов мало компетентен. Но склонен все же думать, что увидели легкую добычу, вот и не удержали пальцев на спусках. А возможно, и о том, что машина с крестами позади ползет, знали, решили медикаментами себя обеспечить. Вряд ли у них снабжение так уж хорошо поставлено.

– Аналитик вы прирожденный, Вадим Петрович. И все равно что-то не сходится. Ладно, не ваша это забота. А теперь скажите, кроме сабли, вы там ничего интересного не заметили?

Ляхов сразу понял, о чем спрашивает Розенцвейг. Но это уже не просто личный трофей, тут дела другого плана.

– Оружия много валялось. Ослы мертвые с вьюками.. Я, вы знаете, тогда контужен был и вообще несколько обалдевши. Сабля именно своей необычностью в глаза бросилась.

Вадиму показалось, что майор разочарован. Явно ждал другого ответа.

– А кстати, Вадим Петрович, оружие у вас есть? – спросил майор.

– Разумеется. – Ляхов машинально коснулся рукой того места, где должна была находиться кобура с наганом. Но там было пусто.

– Опрометчиво без пистолета на улицу выходить. Теперь – тем более. Не откажите – примите в подарок..

Розенцвейг извлек из ящика стола фиолетово-синий массивный пистолет непривычных очертаний.

– Возьмите. Марка «дезерт адлер». Производство ИВВ (Израиль Ваффен Верке), калибр 11, 43, магазин на 16 патронов, конструкция очень надежная. И вот еще..

Ляхов посмотрел на желтоватую ребристую рукоятку пистолета (не иначе как слоновая кость). На ней – серебряная пластинка с интересной гравировкой. Он долго всматривался, пока его осенило, в чем дело. Русские буквы, стилизованные под еврейский квадратный шрифт, причем расположенные справа налево. Но читается, если сообразил, свободно.

«Нашему другу».

– Шутники вы здесь, – скривил губы Ляхов. – Но за подарок спасибо.

Он отщелкнул магазин, доверху набитый толстыми золотистыми патронами, привычно проверил, не остался ли один в патроннике, только потом прикинул, как пистолет лежит в руке и насколько удобно ходит спуск.

– Еще раз спасибо. Люблю хорошее оружие.

– Мы догадываемся. Надеюсь, если придется пользоваться, вы распорядитесь им правильно. Кроме того, в определенных ситуациях дарственная табличка может служить.. – Розен-

цвейг задумался в поисках слова. – Ах да, пайцзой, так это называлось во времена татаро-монгольского ига. Увидите нашего человека, покажите ему. Многие проблемы тут же будут сняты.

– Какому – вашему?

– Ну, любому официальному представителю Израиля в России, от посла до советника по торговле, офицеру званием выше капитана.

– Даже так?

– Именно так.

Ляхову стало несколько даже и не по себе.

Почувствовалось в словах, манере поведения израильского контрразведчика нечто совсем чуждое при всей его европейскости и безупречном русском языке, нечто намекающее на принадлежность к другой цивилизации, пусть и дружественной, но непривычной.

– Возьмите и это, – майор протянул ему аккуратную, несмотря на размер, кобуру отлично выделанной бледно-шоколадной кожи. В продолговатом кармане, пришитом не так, как обычно, а на переднем ее торце, лежала запасная обойма.

Вадим прицепил кобуру к ремню, вложил пистолет на место.

– Выпить ничего не хотите?

– Да вроде нет. Мне вообще-то идти надо. Я ж на службе. Если других команд не поступит, нужно возвращаться в часть. И больные у меня в лазарете, и вообще.

– Никуда вам теперь не нужно возвращаться. Скоро должен подъехать ваш сослуживец, он объяснит, что следует.

И неожиданно отвлекся от темы.

– Интересный все же русский язык. «Да вроде нет». На другом так не скажешь. И с русского на другой дословно не переведешь. В этом мы с вами похожи. Наверное, две самые парадоксальные нации на земле. Но – по-разному.

Однако лингвистические и этнографические изыскания Розенцвейга Вадима сейчас не интересовали.

– Что за сослуживец?

– Увидите. Мой коллега и партнер. Договорились, что сначала я с вами познакомлюсь, а он какие-то свои дела сделает и присоединится. Так что вполне можно по рюмочке выпить и слегка расслабиться.

Ляхову пришлось согласиться.

За разбавленным зельтерской водой виски разговор коснулся более насущной для Вадима темы.

– Вообще, на мой взгляд, какое-то время вам имело бы смысл задержаться в Израиле. У нас великолепно отработана методика защиты ценных для нас людей. И уж здесь-то вас, сменившего имя и внешность, искать будут в последнюю очередь.

– Да о чем вы? Какой из меня еврей? И страна уж больно маленькая. Может, я лучше вон на флот переvedусь? На Тихоокеанский. Саблю повешу на ковер в каюте крейсера или авианосца. Небось там не достанут, – Вадим вроде как шутил, но сама по себе мысль о том, что злобные фанатики действительно будут годами искать его по всему миру, чтобы убить, предварительно подвергнув мучительным пыткам, запала ему в душу и оптимизма не прибавляла.

– Вам виднее. Думаю, мы все это обсудим. В любом случае на нашу неограниченную помощь можете рассчитывать.

Затем коснулись и гораздо более общих вопросов. Майор сообщил, что еврейские аналитики (не только израильские, а вообще) давно задумываются о судьбах мира, о грядущем изменении расклада сил и исторического процесса. В частности, они предполагают, что в недалеком будущем возможен, пожалуй, даже неизбежен конфликт между Россией и ее западными союзниками. Поскольку даже восьмидесятилетний мир и тесные «дружеские» отношения не отменяют геополитики.

Англия втайне все равно мечтает вытеснить Россию с Ближнего Востока и проливов, Германия не забывает о Прибалтике и русской части Польши, Америка и Япония недовольны русской морской активностью на Тихом океане. И это – невзирая на то, что все представители «европейской цивилизации» как бы находятся в одной лодке.

И чем дольше длится противоестественный мир, тем опаснее будет срыв. Достаточно двух причин – или серьезного междоцивилизационного конфликта, или, наоборот, приведения к покорности всех врагов на границах Периметра.

– Куда ни кинь, везде клин?

– Примерно так. У нас богатый исторический опыт, и мы нутром чувствуем грядущие катаклизмы.

– А я-то тут при чем? – искренне удивился Ляхов.

– Мы очень не любим катаклизмов, которые, как правило, не сулят нам ничего хорошего. Ну и подстилаем соломку, где можем. В данном случае (события-то произойдут явно не завтра) желаем иметь в России достаточное количество друзей, которые смогут обеспечить защиту наших интересов при любом развитии событий.

Мы сознательно связываем судьбу своего государства (хотя вслух об этом стараемся не говорить) именно с Россией, а не с Германией и не с англосаксами. И в случае чего желаем иметь гарантии, что Россия нас не предаст и не бросит ради временных, ложно понятых требований момента.

– Да я-то тут при чем, скромный военврач?

– Ну, теперь уже не такой и скромный. Перспективы у вас хорошие. А кем вы станете через год, пять, десять лет, кто знает?

– «Пятую колонну» вербуете?

– Да что за глупости? «Пятая колонна» – это стратегический резерв в тылу врага на случай войны, а уж мы-то с вами воевать никогда не будем. Скорее уж не «пятая колонна», а запасной парашют. Звучит пока невероятно, но кто знает будущее, вдруг нам в один далеко не прекрасный момент придется осуществить так называемую обратную амбаркацию. Понимаете, о чем я?

– Бойтесь, что арабы, турки, персы и прочие смогут рано или поздно опрокинуть вас в море?

– В обозримой перспективе – не боюсь. При условии, что вектор истории останется неизменным. А если нет? Кто мог в начале 1913 года вообразить грядущую мировую войну, в 1930-м – возникновение Тихоокеанского союза, в 1935-м – возрождение еврейского государства? Однако это случилось.

Ляхов не считал себя компетентным в вопросах истории, тем более – геополитики. Розенцвейгу с Тархановым бы поговорить.

А майор продолжал:

– Мы вам, как я сказал, гарантируем всю возможную помощь и защиту от общих врагов, поддержку со стороны уже имеющихся друзей, а взамен, когда (и если) придет время, рассчитываем на аналогичную лояльность.

– На мою личную благодарность и дружеские чувства вы, безусловно, можете рассчитывать. Говорить же о чем-то ином.. Простите, но я не пророк. Не тревожьтесь о дне грядущем, грядущий день сам позаботится о себе, каждому дню достанет своей заботы. Так, кажется, в Библии сказано?

– Не в Библии, а в Новом Завете, который мы не признаем и не читаем. Разве что по делам службы.

К счастью, чересчур уж утомительный для Вадима разговор прервало появление ранее упомянутого персонажа. Им оказался абсолютно стандартного вида подполковник в оливковой

повседневной форме с погонами административно-финансовой службы и ленточками нескольких малозначительных медалей над клапаном левого кармана.

«Даже орденочка ни единого не выслужил», – автоматически подумал Ляхов и только секундой позже сообразил, что данный человек отнюдь не соответствует своим знакам различия и отличия.

Подполковник назвался Чекменевым Игорем Викторовичем, сообщил, что он по своей должности ни о чем более не тщится, как о том, чтобы обеспечить вверенных его попечению офицеров максимальными удобствами как в материальном, так и в духовном плане.

– В духовном – это как? – осведомился Ляхов.

– А вы на досуге Салтыкова-Щедрина почитайте, глядишь, и отучитесь задавать не слишком уместные вопросы. Иначе вы меня разочаруете, Вадим Петрович, совершенно искренне вам говорю.

– Вот чего я никогда не понимал, – с наслаждением произнес Ляхов, – как это нормальный человек в романтическом возрасте может добровольно поступить в интендантское училище? Особенно если слышал слова фельдмаршала Суворова, что любого интенданта через пять лет службы можно спокойно вешать без суда.

– Да и вы-то не особенно о себе воображайте, Вадим Петрович, – не остался в долгу Чекменев. – Нормальному человеку так же странна ваша идея поступить на факультет, где приходится трупы резать и в чужих кишках, чтобы не сказать худшего, копаться. Так что не будем друг перед другом чваниться, а поговорим серьезно. Господин майор на самом деле наш верный союзник и соратник, поэтому можете при нем не стесняться. Ну-ка, напрягите память. Насчет того, что на поле боя могло привлечь ваше внимание.

– Сейчас, сейчас. – Ляхов сообразил, что с этим человеком изображать амнезию не стоит. Тем более что или уже знает, или в ближайшее время узнает о том, что хранится в шкафу у Брайдера. – Что-то такое припоминаю. Нечто похожее на армейский термос? Он лежал рядом с мертвым шейхом. И еще двумя боевиками, которые показались мне.. не из той компании.

Мундиры на них были какие-то странные, новенькие, неизвестного мне образца. И лица.. Эти люди явно другие, чем основная масса грязных и вшивых дикарей. Я еще удивился: неужели в разгар боя они собрались пообедать? Или это был не термос?

Майор отчего-то глубоко вздохнул, прихватил зубами из пачки очередную сигарету.

– И где же он?

Вадим ответил где.

– Зачем вы его взяли с собой?

– Черт его знает. Я же говорю – контузия. Кроме того, мне показалось, что это не совсем термос. Там через дырку виднелось нечто радиоэлектронное. Подумал – рация. Или система спутниковой навигации. Вдруг пригодится. А что?

– Ничего особенного. – Чекменев усмехнулся кривовато, встал, застегивая верхнюю пуговицу кителя. – Вы знаете, что такое нейтронная бомба?

– Разумеется. Я же все-таки военврач, а не бухгалтер.

Опять получился вроде бы намек.

– Не любите бухгалтеров?

– Отчего вдруг? Работа не хуже всякой другой. Просто постарался назвать профессию, наиболее далекую от темы. А что вы все к словам цепляетесь? Решили говорить, так говорите. Не хотите – не надо.

– Я скоро вернусь, а вы пока еще с Григорием Львовичем пообщайтесь.

Ляхов сообразил, что дела неважные. Это что же, он нейтронную бомбу с пробитым корпусом на плече таскал? Во рту сразу пересохло. Да нет, ерунда. И по весу непохоже, и, если бы защитная оболочка вскрылась, он бы еще ночью от лучевой загибаться начал.

– Ну и, уважаемый Григорий Львович, при чем тут бомба?

– Да вы не расстраивайтесь, – понял его мысль Розенцвейг. – Это пока только рабочая гипотеза. Короче, по оперативным данным, наши «друзья» тащили в своем караване что-то, по описанию крайне похожее на означенную бомбу. Некое устройство, способное уничтожить огромное количество людей. При этом якобы без особых разрушений. Естественно, что мы подумали.. Если вдруг правда.. Ума не приложу, где они ее взяли. Мало, что она стоит чертову уйму миллионов, так ведь каждая из тех, что имеется в немногих, владеющих тайной этого оружия, странах, на строжайшем учете и под надежной охраной.

– На заказ сделали? – предположил Ляхов.

– Разберемся, непременно разберемся. Лично я думаю, что это скорее грандиозный блеф. А с другой стороны.. Понятным становится остервенение, с которым они рвались вперед. Если все сплошь смертники.

И вы с капитаном сумели их удержать!

– Угу, – не нашел более подходящего к случаю слова Вадим.

Чекменев вернулся даже раньше, чем через час. И выглядел теперь гораздо веселее, чем раньше.

– Кажется, обошлось, – сообщил он, усаживаясь на прежнее место. – Теперь можно и водочки выпить. Праздник все-таки, вы не забыли? Ваш трофей и прочее имущество я привез, в машине лежат. А что там в этом контейнере, кому надо – разберутся. Но уж точно – ничего ядерного и термоядерного. Радиация – в пределах естественного фона. Можете спать спокойно.

А чтобы совсем спокойно – поживете пока здесь. Под надежной защитой наших друзей. А я определюсь, что с вами дальше делать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тарханов открыл глаза. Спалось ему хорошо, даже снилось что-то приятное, однако вспомнить содержание сна он не смог, хотя ощущалось, что вот только что, за секунду до пробуждения все было отчетливо и понятно.

Очевидно, вчерашний врач, сохранивший манеры российского земского врача, пожилой еврей, вместе с необходимыми лекарствами ввел ему какой-то мягкий транквилизатор.

В нижний угол окна заглядывало утреннее солнце. Исходя из того, что больничная палата находилась на четвертом этаже, сейчас около восьми утра. Сергей нашарил на прикроватной тумбочке часы. Так и есть, восемь часов десять минут.

Можно попытаться заснуть еще раз, поскольку делать все равно нечего. Голова у капитана забинтована так, что ни умыться, ни побриться. Читать одним глазом неудобно, телевизор или приемник ему пока что не принесли, поскольку он вроде как считается тяжелораненым.

Зато палату отвели хорошую. Туалет индивидуальный, душ, кондиционер, бактерицидные лампы вдоль потолочных карнизов. Нечто среднее между номером в классном отеле и тюремной камерой. Поскольку хоть и нет решеток на окне, но стекла армированные, пуленепробиваемые, и на прогулки не выпускают, не то чтобы на улицу, но даже и в коридор, хотя чувствует капитан себя вполне нормально. Первые три дня и вправду было плоховато, голова болела и кружилась, почти все время тошнило, а потом уже и ничего.

Ну, контузия небольшая, сотрясение мозга, лоб и щеку поцарапало, спину немножко. Врач говорил, глаз чуть не выбило, так не выбило же, повязку обещал через пару дней снять. А в остальном – и не такое бывало, только не держали Тарханова взаперти отечественные медики в санбатах и госпиталях.

Чувствуешь себя в силах передвигаться, ну и пожалуйста, делай что захочется от подъема до отбоя.

А тут порядки другие. Израильские. Наверное, евреи как привыкли к собственному здоровью с большим пиететом относиться, так и на русского союзника этот обычай распространяют. Лежи, мол, реб Сергей, пока оберштабсарцт¹³ не сочтет тебя абсолютно здоровым.

А вот почему его в госпиталь определили не в свой, а израильский, и на вопросы, кроме чисто медицинских, не отвечают, и вроде даже охранника за дверью поставили, которую держат запертой, Тарханов пока не разобрался. В бригаде медсанбат есть, а в Хайфе вообще на ВМБ¹⁴ очень приличный, по слухам, российский госпиталь. Однако привезли сюда и держат в изоляции. Непонятно.

Похоже, влетел ты, господин капитан, в непростую историю. Связанную, безусловно, с боем в ущелье. Что-то, видать, не так они с «додиком»¹⁵ сделали. Может, тех орлов как раз нужно было пропустить без шума, а они проявили неуместную инициативу. Может, никакие это не террористы были, а израильские рейнджеры, возвращавшиеся из рейда? Только в таком случае какого ж хрена первыми стрелять начали по союзникам?

Ну да ладно, объяснят рано или поздно.

Тарханов не любил забивать себе голову пустыми измышлениями. Вот когда появится конкретная информация, тогда и будем думать, как себя вести и что говорить. Причем обязательно – в присутствии представителя корпусного начальства.

Незаметно он снова задремал и в очередной раз проснулся от звука поворачиваемого в замке ключа.

¹³ Чин старшего военврача в немецкой и израильской армиях, примерно соответствует подполковнику.

¹⁴ Военно-морская база.

¹⁵ Жаргонное обозначение врачей в Экспедиционном корпусе.

Вошли двое, в халатах медицинских, зеленовато-голубых, и один из них, что помоложе, точно русский. Не только оттого, что форменные армейские брюки из-под халата выглядывают, а весь облик у него отечественный. Второй, лет сорока пяти – из местных. Судя по золотым очкам, наверное, врач.

– Здравствуйте, Сергей Васильевич, – улыбнулся русский, – не потревожили? Нормально себя чувствуете, поговорить согласны? А то мы можем и попозже.

– Чего уж там. Заходите, располагайтесь. Тут у них от тоски сдохнуть можно, в общей палате куда веселее. С кем имею честь?

– Подполковник Чекменев к вашим услугам. Игорь Викторович. Чтобы не темнить – первый товарищ¹⁶ военного атташе. А это – майор израильской СД Розенцвейг Григорий Львович.

«Все ты правильно угадал, господин капитан, „первый“ как раз и ведает разведкой и контрразведкой», – подумал Тарханов, но половиной лица и зрячим глазом изобразил удивление.

– А я, признаться, считал, что наш случай скорее в компетенции разведотдела штаба корпуса. Но все равно рад. В чем проблема?

Чекменев с Розенцвейгом расположились на стульях перед кроватью, подполковник вытащил из внутреннего кармана обтянутую кожей плоскую фляжку грамм на двести.

– Не желаете для настроения?

Израильский майор выложил на тумбочку два крупных местных мандарина в ноздреватой малиновой коже, которые тут же и очистил.

– Можно глоточек за знакомство, – не стал жеманиться Тарханов. Крышка фляжки вмещала ровно пятьдесят грамм. Гости, демонстрируя военную выучку, тоже махнули по дозе, не закусывая.

– Повезло вам, господин капитан, еще бы чуть-чуть, и беседовать нам с вами не пришлось, – заметил Чекменев, деликатно выдохнув в сторону. – И пили бы совсем по другому поводу.

– Что за разговор. На войне всегда чуть-чуть, только иной раз это более наглядно, как у меня сейчас, а в другом случае свистнет пуля мимо уха, а ты и не заметишь. Или прямо по mine проедешь, а у нее взрыватель отчего-то не сработает.

– И так бывает, – согласился Чекменев. – И все же у вас на тот свет прогуляться куда больше шансов было, чем в среднем по статистике. Однако все это лирика, а мы с вами намерены побеседовать о вещах прозаических. Как я понимаю, вас вырубил минут за пять до конца боя и о дальнейшем вы ничего не знаете?

Тарханов понял, что начинается допрос, хотя и без протокола, и настроился соответственно.

– Я и о том, когда конкретно меня стукнуло, понятия не имею. Последнее, что помню, в очередной раз атака захлебнулась, снова ударили минометы. Я еще успел подумать, что надо бы словчиться до патронного ящика добраться, а то лента хвост показала, и сразу темнота. Очнулся уже в госпитале, когда меня на операционный стол клали, и тут же снова от наркоза вырубился. – Помолчал немного и, словно раскрывая большой секрет, сказал доверительно: – Так что теперь точно знаю – умирать совсем не страшно. Если бы не очнулся, и не знал, что уже того..

К теме неожиданно проявил интерес Розенцвейг.

– Так, может быть, это именно оттого, что вам все-таки предназначалось очнуться? А в противном случае ощущения могли быть совсем другими?

¹⁶ Товарищ – заместитель (русс. устар.).

– Да, этого я не учел, – согласился Тарханов. – Вполне могло быть, что раз – и ты уже на мандатной комиссии у ворот ада. С соответствующими эмоциями. А может, и рая, ежели сочли достойным. Поскольку живот за отечество положил и за други своя.

– Увы, по нашим представлениям рай нельзя заслужить одним героическим поступком, если не соблюдали законы Моисея всю предыдущую жизнь. Так что тут вы в более выигрышном положении.

– Что-то вы, господа, не о том заговорили, – прервал завязывающуюся дискуссию Чекменев. – Это уже богословские мотивы какие-то. Учитывая разницу в наших религиях, вряд ли придете к согласию. Давайте о земном и суетном.

И подполковник начал с помощью Тарханова буквально по минутам разбирать завязку и ход боя. Скорее всего, как догадался Сергей, чтобы сверить его версию с тем, что удалось выяснить от доктора. Отвечал капитан четко, но скупно, избегая эмоций и личных оценок. Только факты и чисто военная суть дела.

Заняло это минут тридцать, ситуацию проиграли со всей возможной полнотой.

– Что ж, с профессиональной точки зрения вы действовали совершенно безупречно. Но неужели в предыдущие дни вы не имели никакой развединформации о возможности прорыва столь крупной банды? Никаких косвенных признаков? Вы же специалист, и это ваша зона ответственности, – поинтересовался израильтянин.

– Строго говоря, это совсем не моя зона, – возразил Тарханов. – Граница проходит как раз по дороге. Противник все время находился на территории, контролируемой французами. С них и спрашивайте.

И все трое, не сговариваясь, заулыбались. Отношения с французским командованием складывались издавна напряженные. Вроде как французы за шестьдесят лет так и не смирились с тем, что их подмандатные территории стали самостоятельными государствами, а русские с немцами, не имея на то никаких исторических прав, завели себе нечто вроде доминиона там, где еще тысячу лет назад французские бароны и герцоги строили свои замки.

А те из «лягушатников», кому наплевать было на древнюю историю и геополитику, просто завидовали, что русские батальоны охраняют благодатный прибрежный район, а им приходится сидеть в скучных горах.

Но профессиональный разбор боя был всего лишь преамбулой, и Тарханов это понимал. Не мог только сообразить, пора ли задать прямой вопрос или подождать, когда все объяснится само собой.

Дождался.

– В общем, вы человек военный, хватит нам ходить вокруг да около, – решительно подвел черту Чекменев. – Никто к вам, разумеется, претензий не имеет, хотя поначалу пришлось вашему напарнику пережить несколько неприятных часов, когда армейские дуболомы к нему привязались с совершенно дурацкими претензиями. Но потом все стало на свои места.

– Все стало или все стали? – попытался сострить Тарханов.

– И то и другое, – улыбнулся Чекменев. – И в конечном итоге, я думаю, вы будете награждены по полной программе, сообразно заслугам и несколько более того. Но дело оказалось уж больно щекотливым. Не просто так эти ребята через перевал дуром ломились.

– Ясно, что не просто, две сотни стволов легкого оружия, крупнокалиберный пулемет и не меньше батареи минометов. Был бы еще тот шорох, если бы они успели к побережью прорваться, – вставил Сергей.

– Если бы только это, – с сомнением сказал Чекменев. – Вот вы, по-настоящему военный человек, не то что мы, чем можете объяснить небывалую настойчивость, я бы сказал – самоубийственную настойчивость?

– Пожалуй – могу. С той или иной степенью достоверности. Прежде всего – у них был категорический приказ любой, именно любой ценой прорваться на оперативный простор,

а убедительность этого приказа подчеркивалась наличием за спиной некоей разновидности заградотряда. Ну, того типа, что использовались большевиками во время Гражданской войны.

– Так, допустим, хотя признаков наличия подобного мы не обнаружили.

– Не обязательно, чтобы заградотряд существовал физически. Его роль вполне могло сыграть обещание сварить всех струсивших в кипящем масле. Или посадить голыми в муравейник. А второй вариант.. – Тарханов замялся.

– Да говорите, говорите, как бы невероятно это ни звучало. Нам сейчас нужны все гипотезы, – подбодрил его Розенцвейг.

– Ну, слушайте. Я тут, пока лежу, только об этом и думаю, поскольку делать больше нечего. Понимаете, пытаюсь поставить себя на место их командира (на место рядовых себя ставить бессмысленно), я все время старался вообразить, ради чего я бы гнал своих людей в бой, не считаясь с потерями, хотя вполне свободно мог оставить здесь заслон, а с главными силами отступить и прорваться в любом другом подходящем месте. Вы на карту смотрели?

– Вообще – да, – ответил Чекменев, – а конкретнее?

– Конкретнее? Любое другое подходящее место находится не ближе двадцати километров от этого. С учетом скорости передвижения колонны в горах это лишние шесть-семь часов. А вдруг у них не было именно этого времени? Что, если им нужно было пробиться раньше? Хотя бы десятой частью первоначального состава, но раньше?

– Гениально! – не сдержал эмоций Розенцвейг. – А зачем бы это могло быть нужно?

– Увы, не знаю. Но причина должна быть крайне веской. Как, допустим, жизненно важное randevu кого-то с кем-то. Или – тикающий взрыватель часовой мины.

– Гениально, – повторил майор. – И при этом вы всего лишь капитан. Не умеет ваше руководство ценить людей, – сообщил он Чекменеву. – У нас бы Сергей Васильевич давно бы стал полковником.

В общем, так. Вы почти угадали. И мина у них была, и час «Ч» назначен. Грандиозный взрыв в Тель-Авиве или Хайфе, который, по некоторым данным, должен был послужить сигналом к вторжению регулярных армий сопредельных государств.

Тарханов не удержался, удивился матерно.

– Сначала мы думали, что речь идет о ядерной микробомбе. Потом это предположение отпало, поскольку ваш напарник, капитан Ляхов, случайно обнаружил это устройство и прихватил его с собой..

– Молодец! Не только стрелять умеет..

– Бесспорно, молодец. Доставил «артефакт» нам, специалисты на него посмотрели и зашли в тупик. Если считать его оружием, то принцип действия совершенно непонятен.

– Как такое может быть? – не понял Тарханов. – Если оружие – так оружие, а если нет – нет. Взрывчатка, простая или ядерная, соответствующие устройства ее инициации, поражающие элементы. Даже я в состоянии разобраться, а уж инженеры-пиротехники..

Мне это напоминает фразу из одного романа: «В комнату вошел человек в форме полковника неизвестной армии». Да, и еще. Вы что же, ни одного боевика живьем не взяли? Когда меня стукнуло, их там еще хватало. Или Ляхов до прибытия подмоги в одиночку остальных перебил?

– Кое-кого взяли. Только никто ничего не знает. Темный народ. Или специалисты действительно выбиты, или цель каравана – только транспортировка, а получатели сидят где-то в другом месте.

А насчет разобраться? Если бы все было так просто. В том-то и дело. Но мы не на теоретическом семинаре. – Чекменев сделал рукой отсекающий жест. – Суть в другом. Почему, собственно, мы с вами и говорим. Руководители или вдохновители террористов возлагали на эту штуку такие надежды, что вы с Ляховым объявлены кровными врагами всех правоверных и

наказание вам одно. Соответствующая фетва, или, по-нашему говоря, постановление высшего духовного авторитета, уже издано.

– Быстро работают, – только и сказал Тарханов. В том, что их фамилии стали известны, ничего удивительного не было. Любой местный житель приграничной полосы знал его в лицо, а уж соответствующие службы террористов наверняка располагали и более детальной информацией. А как умеют болтать у нас в войсках и штабах, ему рассказывать не надо. Не исключено, что какой-нибудь бойкий журналист уже и статейку накатал с приложением фотографий.

– Поэтому вам, Сергей Васильевич, самое время умереть, – с совершенно серьезным видом сообщил Розенцвейг. Подождал, какотреагирует капитан, не увидел ответной реакции и закончил: – Разумеется, с последующей реинкарнацией.

– Вы так серьезно к этому относитесь? Не проще заменить куда-нибудь в отдаленный гарнизон России? Кто меня будет искать в Петрозаводске, Вологде или Хабаровске? Да и зачем? Что пристрелить меня они не прочь – никаких сомнений. Если на мушку попаду. Но объявлять всероссийский розыск? Вот вашим коллегам здесь остерегаться надо.

– Это уже наша проблема, – успокоил его Розенцвейг. – А мстительность арабов, или, может, не только арабов, недооценивать не надо. Если они что задумали, десять лет искать будут. Тем более не только в бомбе дело. Вы там заодно ухитрились весьма уважаемого шейха шлепнуть, который с караваном шел. И священный предмет, при нем находившийся, исчез. Они это все на вас повесили, так что мстить намерены всерьез и основательно.

– Да, дела, – обреченно вздохнул капитан. В отличие от романтично настроенного Ляхова перспектива начинать новую жизнь под другим именем и с другой биографией его отнюдь не прельщала. Слишком много вопросов практического характера возникало сразу. – Впрочем, новобранцы Иностранного легиона до сих пор поступают именно таким образом. И ничего. Пока буду лежать, обдумую и суть, и детали.

– Само собой. Неделька у вас еще есть, как говорят врачи. Заодно и мы понаблюдаем, не проявит ли кто повышенный интерес к этому госпиталю.

Когда гости собрались уходить, Сергей попросил Чекменева устроить ему встречу с Ляховым.

– Хотелось бы напоследок повидаться с парнем. Сказать ему несколько слов, вроде как политическое завещание. Вы же и ему «переселение душ» намечаете?

– В принципе, это можно устроить. Вообще-то он на днях должен улететь на родину, «в очередной отпуск», но я ему передам вашу просьбу. Он уже и сам просил о свидании, но тогда врачи не рекомендовали. Только уж я попрошу – никаких разговоров о вашей будущей «смерти».

– Хотите, чтобы это было для него сюрпризом? – неловко пошутил Тарханов.

– Отнюдь. Обычная предосторожность. Каждый должен знать ровно столько, сколько требуют обстоятельства. Мало ли что может случиться, попадет он, не дай бог, в руки неприятеля, под пытками или наркотиком выдаст, что вы живы. Вам лишний риск, нам лишние хлопоты. Может, в дальнейшем, когда слегка утрясется, вы с ним еще и встретитесь.

– Ладно, вам виднее. А вы не можете вернуть мне мой пистолет?

Просьба контрразведчиков не удивила.

– Ваш – вряд ли. По-моему, он остался в медпункте авиаполка. Вместе с документами, согласно правилам, – ответил Чекменев.

А Розенцвейг продолжил:

– Возьмите вот этот. В подарок, – и протянул ему такой же, как раньше Ляхову, «дезерт адлер». – Хочу надеяться, что здесь он вам не пригодится, охраняем мы вас хорошо.

Гости ушли. Капитан немного повозился с новой игрушкой, изучая конструкцию, разобрал и собрал пистолет. Потом поставил на предохранитель и сунул под подушку. Так оно спокойнее будет.

Тарханов лег на широкую, тоже более подходящую для приличного отеля, чем для больницы палату, кровать, заложил за голову руки. Отсюда в окне было видно только небо. Справа на его голубизну напозла серая клочковатая туча. Все ж таки январь на улице, и, возможно, скоро тучи сомкнутся и на землю, на море, на город полетит холодный дождь, а то и снег.

Настроение у него было неопределенное. Непривычно было оказаться в положении героя шпионских боевиков. Все-таки это несколько разные вещи – служить в армии, учитывая, что при случае можешь поймать свою пулю, и жить, зная, что некто охотится именно за тобой, остро желая убить не абстрактного человека, одетого в военную форму, а конкретного и единственного Сергея Тарханова.

Но, с другой стороны, велика ли разница? В то, что убийцы будут идти за ним по пятам, гоняться за ним по городам, странам и континентам и месяц, и год, и больше, тоже не очень верилось.

Хотя кто их знает, азиатов.

Ну, что же, попробуем, как себя нелегалы чувствуют. Своя прелесть и здесь имеется – начать новую жизнь, попытаться стать другим человеком, не тем, кем стал за тридцать лет естественного развития, а, может быть, таким, каким ему иногда воображалось.

Избавиться от гнета собственного имени, биографии, всего, так сказать, груза прошлых ошибок.

И он начал придумывать себе новое имя и биографию.

Заодно придумал и кое-что еще.

.. Следующий раз он встретился с неразлучной парой контрразведчиков через пять дней, когда ему, наконец, сняли повязки с головы и глаза. Зрение восстановилось полностью, но лоб и бровь пересекал свежий розовый шрам, захватывающий и край скулы.

В принципе, ничего страшного, солдата шрамы не портят, тем более что хирург сказал, что через месяц-другой можно сделать косметическую операцию.

Несколько другое мнение высказал Розенцвейг.

– А знаете, так даже лучше, – осмотрел он Тарханова взглядом профессионального театрального гримера. – Если вам отпустить усы скобочкой и небольшую бородку вот так, – он показал, как именно, от уха по краю нижней челюсти к подбородку, – то вы станете почти неузнаваемым. По крайней мере, человек, лично вас не знающий, по фотографии опознать не сможет.

– Вы все же продолжаете настаивать на реальности угрозы?

– Разумеется, – ответил Чекменев. – Более того, есть данные, что кое-какие меры по вашему розыску противник уже предпринимает. Так что нам следует поторопиться. Думаю, что сегодня-завтра вы неожиданно для врачей скоропостижно скончаетесь.

Тромбоземболия. От нее практически нет спасения. Как обойтись без присутствия на похоронах ваших сослуживцев, мы придумали. Тем более что большинство из них слишком занято на границах.

Похоронят на местном военном кладбище, поскольку близких родственников у вас в России нет, а вы под новым именем вылетите.. Куда бы вам вылететь? – задумался разведчик. – Предложения есть?

Вопрос был вроде бы к Тарханову, но снова вступил Розенцвейг.

– Мы уже подумали. Сергей Васильевич вылетит с израильским паспортом из Тель-Авива беспосадочным спецрейсом в Нью-Йорк. На этом самолете летит наша торгово-промышленная делегация, так что присутствие на борту нежелательных лиц исключается. Там получите в нашем представительстве новые документы и возвратитесь в Россию. Таким образом, как у вас говорят, обрубим концы вчистую. А дальше уже как ваши товарищи решат. Устраивает?

– Вполне. Хоть мир посмотрю.

– Тогда – до скорого свидания.

Но у Тарханова были еще и кое-какие собственные соображения.

Только говорить о них имело смысл с глазу на глаз с Чекменевым. Розенцвейг оказывался третьим лишним.

Сергей выбрал момент и незаметно сунул подполковнику скрученную в трубочку записку с просьбой сегодня же навестить его еще раз, но теперь в одиночку.

А потом повалился на постель, поскольку делать все равно больше было нечего.

Ожидая, когда вновь появится Чекменев, Сергей ощутил наплывающую полудрему. Очевидно, так подействовал коньяк в сочетании с теми лекарствами, которые давали врачи. Поначалу чувство было приятным.

Как всякий военный человек, Тарханов не упускал возможности поспать лишние часы другой, впрок.

А тут вдруг в сознание вкралась непонятная тревога. Вначале он подумал, что так на него повлиял разговор с контрразведчиками, но тут же отогнал эту мысль. Опасность пока еще далекая, да и вообще проблематичная, его не пугала.

Скорее состояние походило на то, что бывает в момент пробуждения после хорошо проведенного вечера. Ляхов как-то объяснил, что называется это «адреналиновой тоской», чисто биохимическая реакция организма, никакого отношения к реальному положению дел не имеющая.

Но сейчас причина все же была. С момента, когда Тарханов пришел в себя в палате госпиталя, ему не давало покоя ощущение некоторой «неправильности» происходящего. Только никак не удавалось сообразить, в чем именно заключалась неправильность.

Он все думал, думал, вертел ситуацию так и этак. Но, очевидно, теснящаяся в подкорке информация никак не могла преодолеть барьер между сознанием и подсознанием.

Для простоты предположил – дело как раз в том, что он остался в живых на перевале. Не должен был, а остался.

И вот его организм, осознавший неизбежность смерти и подготовившийся к ней, теперь не может перенастроиться обратно. Вроде как человек, выдохнув воздух, зажмурившись, опрокидывает стакан чистого спирта, а в нем – вода.

Говорят, иногда от такого шока чуть ли не умирали.

Ну, ничего, у него закалка крепче.

Слегка удивившись, что подобная ерунда вдруг полезла в голову – отвлеченными идеями он всегда был чужд, – Тарханов переключился на более реальную проблему, чем рефлексии по поводу несостоявшейся гибели.

Как угодно, но роль пассивной жертвы, скрывающейся от возмездия террористов под чужой личиной, его совершенно не устраивает. Да и чем он станет заниматься на гражданке? А где же еще?

Нормально служить в строевых частях под чужим именем и с чужой биографией в соответствующей образованию и опыту должности все равно не получится.

Это только в военное время (да и то чаще в книжках и фильмах) вражеский разведчик на несколько дней может с чужими документами внедриться в воинскую часть под видом прикомандированного, к примеру, или возвращающегося из госпиталя, причем возможность провала и в таком варианте весьма велика. А жить «по легенде», тянуть повседневную служебную лямку месяцами и годами, без всякой «сверхзадачи», и психологически, и технически невозможно. По крайней мере, с его характером.

Завербоваться на службу «человеком без биографии», то есть рядовым, как это практикуется в Иностранном легионе, – увольте. Не для того он пятнадцать лет носит погоны, чтобы опять начинать с «беспросветных».

В мирной же жизни чиновником, торговцем или, упаси бог, рантье он себя в принципе не видел.

Чекменев вернулся через два часа.

– Слушаю. Что у вас случилось?

– Так. Поболтать захотелось на темы вашей основной специальности. Финансовой, – быстро добавил он, увидев, как удивленно поднимаются брови подполковника. – Насчет моего денежного довольствия. То, о чем вы с господином Розенцвейгом говорили, – интересно, не спору, только.. У меня денежное содержание за три месяца в финчасти лежит. И боевые мне теперь полагаются, и пособия, «за ранение» и «на лечение». Я человек небогатый, а ведь в качестве, в каковое капитану Тарханову предстоит перейти, никто мне тех денег не выдаст. Так? Не люблю, когда в таком существенном вопросе неясности остаются, – а сам показал глазами на потолок и стены, приложил палец к губам, а потом пальцами же изобразил, что нужно пойти прогуляться в сад.

– Можно и поговорить, дело немаловажное. Только вот курить у вас тут нельзя, а хочется. Пойдемте на воздух.

Сад при госпитале был хороший. Словно бы не больничный даже, а на какой-нибудь древнеримской вилле, как их описывал в своих романах Фейхтвангер. С посыпанными мраморной крошкой дорожками, вьющимися в зарослях темно-зеленых туй, разноцветных клематисов и вообще неизвестных капитану южных растений. С журчащими фонтанами и расставленными вокруг скамейками. И все это великолепие обнесено трехметровым кирпичным забором с колючей проволокой по верху. Не для того, чтобы предотвратить побег пациентов, а совсем наоборот.

– Итак, я вас слушаю. – Чекменев протянул Сергею портсигар, когда они нашли подходящую скамейку подальше от прогуливающихся выздоравливающих.

– Не смею сомневаться в полной лояльности господина майора, – сказал Тарханов, – но все-таки и ему не все знать следует. О наших внутренних делах.

– Спорить не собираюсь. А о чем пойдет речь? Кроме денег. Те-то мы вам, разумеется, компенсируем. Назовите только сумму.

Деньги Тарханов считать умел, положения и инструкции знал, и без запинки доложил, что по всем видам выплат ему на сегодня полагается девятнадцать тысяч триста восемьдесят рублей. И еще восемь тысяч пятьсот лежит на счету в «Офицерском обществе взаимного кредита», получить которые ему теперь тоже будет затруднительно.

– Округленно двадцать восемь тысяч. На эту сумму я в любом случае пару лет в России проживу.

После чего начал излагать свой план, состоящий в том, чтобы не прятаться ему «по-за углом», как он выразился, используя часто употреблявшееся дедом выражение, а, напротив, активно включиться в операцию.

– Я же все-таки боевой офицер и без дела сидеть не приучен. Давайте вот что попробуем – устроим масштабную контригру. Насчет умереть – я не возражаю. Только нужно обставить это так, чтобы наши «друзья» сразу же заподозрили неладное. Утечку из госпиталя или из каких-то других кругов, что, мол, не все ясно с моей смертью и похоронами, еще что-нибудь в этом роде, тут вам виднее, вы специалист.

Главное, чтобы они зашевелились. Кое-какой след обозначить и вдоль этого следа наблюдать, когда они по нему двинутся. И я с полным удовольствием в игре поучаствую.

Чекменева, как показалось Тарханову, идея заинтересовала.

– А зачем это нам? – неожиданно спросил он Тарханова.

– В смысле? – не понял Сергей.

– Да в самом прямом смысле. Одно дело – провести мероприятия по стандартной схеме «защиты важного свидетеля», и совсем другое – разрабатывать многоходовую операцию с при-

влечением значительных сил и средств, рассчитанную на неопределенный срок, и для чего? Чтобы в случае удачи задержать парочку наемных убийц, скорее всего ни в какие тайны не посвященных? И что потом? По второму кругу, по третьему и так далее? В каждом деле должен быть смысл.

Но к такому повороту Тарханов был готов. В стратегии и тактике он разбирался вполне прилично, в том числе и в тактике разведопераций, пускай и войсковых, а не агентурных.

– Не говорите, что не понимаете. А то я в вас разочаруюсь. В том и фокус, чтобы отследить всю схему. И здесь, в Израиле, и у нас дома. Я и то, почти навскидку, могу вам планчик нарисовать. Розенцвейг организует утечку, по разным каналам и с некоторыми отличиями. Через свою агентуру устанавливает, какая именно легенда прошла. И куда. Вы и ваши коллеги в России работаете аналогично. У вас же наверняка хоть какие-то разработки по террористам есть.

Я, соответственно, по первому уровню операции буду именно «прячущейся жертвой». По второму – живцом. Третий тоже можно придумать. Как?

– Для экспромта – вполне. Дело явно имеет перспективы. Но – работаем пока только вдвоем. Чтоб никто ни слухом ни духом. Ни здесь, ни в России, если я сам иного не прикажу.

– Кого учите, господин подполковник!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Буквально на три часа», как он выразился, Розенцвейг предложил Тарханову сгонять в Тель-Авив.

– Во-первых, у вас есть шанс, который нельзя упустить ни в коем случае, а во-вторых, шансов может не остаться ни у кого вообще.

Майор выглядел настолько встревоженным, что Сергей простил ему привычную уже манеру выражаться не совсем логически оправданным стилем. У всех свои обычаи.

Григорий Львович сел за руль рыжевато-песочного «Опель-Адмирала», выкрашенного под цвет окрестных библейских холмов.

Вопреки обыкновению майор был одет в обтягивающий кевларовый комбинезон цвета беж, на заднем сиденье распростерся дополнительный тяжелый бронежилет, придавленный томпсоновским пистолетом-пулеметом, а сверху перекатывалась на виражах круглая стальная каска.

«Точно, воевать ребята собрались», – отметил для себя Тарханов. А у него, кроме пистолета, ничего подходящего с собой и не было. Ну, да как-нибудь.

Машина летела по приморскому шоссе на сумасшедшей скорости, а майор, свободно положив руки в тонких перчатках на деревянное кольцо руля, не сжимая пальцев даже на крутых виражах, рассказывал ему о предстоящей церемонии.

– Встретиться с премьер-министром вам совершенно необходимо. Во-первых – это вопрос высокой дипломатии. В предвидении грядущих потрясений наши власти желают как-то обозначить нерушимость русско-израильского боевого братства.

Кроме того, отбитый вами прорыв боевиков действительно планировался как отвлекающий маневр. Сейчас три армии готовы к вторжению. Речь идет буквально о часах. Российские и немецкие дипломаты пытаются добиться встречи с маршалом Амером, королем Хусейном и президентом Аль-Баширом. Но ни одного из них отчего-то нет на месте. Кто отдыхает, кто наносит неофициальный визит неизвестно кому.

Одним словом, мы готовы к массированному вторжению регулярных подразделений Арабского легиона и вооруженных сил Судано-Египта и Сирии.

Третий день продолжается давно не слыханного размаха и разнузданности антиизраильская пропаганда, по радио и дальновидению непрерывно звучат призывы уже на государственном уровне сбросить Израиль в море или, по крайней мере, свести его к размерам древнего Иудейского царства. Причем эта людоедская идея получила неожиданно сочувственный отклик в среде самых человеколюбивых европейских интеллектуалов.

В приграничных территориях давно уже отмечается немотивированное и на вид бессмысленное перемещение танковых колонн.

Кроме известного вам случая, есть данные, что планировались взрывы зарядов субъядерного уровня во многих наших городах. Это должно было сорвать мобилизацию ополчения, и так далее.

Ничего, разберемся!

Тарханов даже и не предполагал, что спокойный, игравший под крутого интеллигента разведчик может так разнервничаться.

А с другой стороны, был бы он, Сергей Тарханов, князем какой-нибудь Рязани, к которой подступают полчища Батыя, а у него за стенами две тысячи дружины и чуть больше городского ополчения. И он бы завибрировал.

Конечно, расклад сейчас немного другой, но все же.

Тут действуют законы больших чисел, и при мобилизационном потенциале арабских стран в 10 миллионов готовых на все «воинов ислама», и почти таком же количестве предлага-

ющих свои услуги искателей приключений из всех уголков мира не слишком стоит надеяться на поддержку союзников.

Если не удержишь фронт, разговор будет простой и короткий.

Так он и сказал Розенцвейгу, присовокупив, что не стоило бы им, братьям по духу, слишком уж воображать по поводу собственной исключительности.

– Ладно, вы избранный богом народ, мы тоже вроде бы народ-богоносец, у каждого своя свыше определенная функция. А вот согласились бы принять российское подданство на условиях полной автономии, и никто бы вас не тронул больше. Поскольку с Россией в свое время воевать и персы, и турки, и немцы зареклись, не говоря уже о ваших контрагентах.

Как в свое время Армения, Грузия, Азербайджан и другие многие за нашими штыками спрятались. Третий век живут и в ус не дуют.

– Не будем сейчас об этом, Сергей Васильевич, – мрачно ответил майор. Возможно, он был согласен с Тархановым, но не считал возможным именно сейчас обсуждать данную тему.

Справа и внизу искрилось почти штилевое море, у горизонта виднелись какие-то корабли.

Тарханова насторожила скорость их перемещения. Полосы дыма лежали на воде почти горизонтально. И двигались они снизу вверх, то есть с юга.

На русские крейсера не похоже, а израильские корветы ходят без дыма. Еще садясь в машину, он заметил в глубокой нише под перчаточным ящиком хороший, обтянутый камуфляжной пенорезиной бинокль.

Вынул его, поднес к глазам.

Судя по силуэтам, эсминцы итальянской постройки, типа «Эммануэле Паретто». Такие стоят на вооружении в египетском флоте. Устаревшие, но по-прежнему быстроходные, на форсаже могут дать до сорока узлов и вооружены солидно. От крейсеров уйдут, от прочих отобьются.

«А ведь они уже в территориальных водах», – подумал капитан, и тут же вдоль бортов кораблей дружно сверкнуло пламенем.

– Тормози! – отчаянно закричал он майору, потому что непонятным образом, но совершенно отчетливо увидел, где и как лягут 140-миллиметровые снаряды эсминцев.

«Опель-Адмирал» догонял колонну израильских армейских грузовиков, кузова которых были полны солдат. Впереди шла еще одна колонна шестиосных транспортеров, перевозящих батальон танков.

Тарханов видел их давно, поскольку машина крутилась по серпантину, и иногда панорама дороги открывалась на десяток километров вперед, а моментами поле зрения сокращалось до сотни метров.

И Сергей понимал, чувствовал, что огневой налет с моря направлен именно на эти колонны, но они с Розенцвейгом гарантированно подпадают под удар.

Майор, демонстрируя невероятную реакцию, не спрашивая ни о чем, сбросил газ, вдавил в пол педаль тормоза и крутанул руль на интуитивно просчитанный угол. На какое-то мгновение машина пошла юзом, тут же выровнялась, вильнула и замерла, почти коснувшись бампером бетонного парапета.

Хорошо, что машина была кабриолетом. Тарханов, не думая о дипломатии и пиетете, схватил Розенцвейга за поясной ремень и перебросил через борт автомобиля.

Как приходилось делать в прошлой боевой жизни, Сергей считал в уме, сколько секунд летит снаряд.

Повалил майора в кювет, распластался рядом, и тут как раз и рвануло.

Серия разрывов накрыла хвост армейской колонны, а один из снарядов ударил прямо перед радиатором «Опель-Адмирала». Вверх и в стороны полетели колеса, куски металла, подушки сидений.

Уцелевшие после первой очереди солдаты сноровисто рассеялись по обеим сторонам дороги, залегли в камнях, готовясь, пока не поступил другой приказ, отражать десант, если таковой высадится.

Танковые транспортеры на предельной скорости рванулись вперед, растягивая интервалы, и следующие залпы начали ложиться впустую, бессмысленно поднимая в воздух столбы песка и щебенки.

Через несколько минут танки прямо с посаженных гидродомкратами на асфальт платформ открыли по кораблям ответный огонь.

За это время Тарханов с Розенцвейгом успели то бегом, то ползком выбраться из зоны поражения.

– Вы молодец, капитан, реакция у вас прямо поразительная. Мы чуть не въехали в самую кашу.

– Уходят, – сообщил Сергей, продолжая наблюдать в бинокль за горизонтом. – Это как считать, уже война или еще провокация?

– Как высшее руководство расценит. Сейчас должны появиться наши штурмовики-перехватчики. Эсминцы они, скорее всего, потопят. А дальше стороны могут обменяться нотами и этим ограничиться или раскрутить акцию возмездия по полной программе.

В подтверждение слов Розенцвейга далеко впереди на ярко-синем небе обозначились белые полосы инверсионных следов. С аэродромов Синая поднялись по тревоге самолеты. Связь и радиолокация здесь работали четко.

Когда добрались до Тель-Авива, стало понятно, что дело идет скорее к войне.

Над крышами завывали сирены, предупреждающие о возможном воздушном налете. Резервисты, подчиняясь переданному по радио и дальновидению условному сигналу, спешили к пунктам сбора, уже обмундированные и со своим оружием.

Уличные репродукторы сообщали о нанесенных бомбоштурмовых ударах по египетским и сирийским аэродромам и о том, что ни один вражеский самолет пока что не сумел подняться в воздух.

О встрече с премьер-министром теперь не могло быть и речи. Как раз сейчас он выступал по радио, и на перекрестках толпились встревоженные толпы не подлежащего призыву населения.

Тарханов, не слишком хорошо разбиравший быструю устную речь на идиш, уловил только понятную военную терминологию.

«..Мы не имеем права проиграть не только войну, но и один-единственный бой. У нас нет за спиной территории для маневра и резервов для восполнения потерь. Чтобы сохранить страну и армию, мы можем только наступать и побеждать. И я обещаю, что именно так и будет, если коварный враг попытается пересечь наши священные границы!»

Однако должный бюрократический порядок в стране сохранялся.

Розенцвейг привез Тарханова в приемную главы правительства, и какой-то чиновник с погонами бригадного генерала вручил российскому капитану от имени премьер-министра диплом о присуждении высшего почетного звания – «Праведник перед Богом», которого удостоивались только неевреи за исключительные заслуги перед еврейским государством, и соответствующую, довольно крупную медаль на бело-синей ленте, а в качестве приложения – чек на весьма и весьма приличную сумму.

В том, наверное, смысле, что Праведник не должен омрачать свой высокий дух суетными заботами о хлебе насущном.

– Имейте в виду, Сергей (у них тут все называли друг друга по именам, даже рядовой мог так обращаться к главнокомандующему), – сказал генерал, пожимая Тарханову руку, – все

это означает, что вы автоматически приобретаете право на наше полноправное гражданство, можете поступить на службу в армию, выдвинуть свою кандидатуру в кнессет и так далее.

– Спасибо, ваше превосходительство, я всегда буду об этом помнить.

.. Уже на другой машине, которую Розенцвейг раздобыл необыкновенно быстро, правда не такой шикарной, как безвременно погибший «Опель», они подкатили к высоким кованым воротам, преграждавшим въезд в охраняемый поселок на окраине города.

– Как у вас говорят, война войной, а обед по расписанию, – сообщил майор, когда они по свободным от выдвигающихся к фронту войсковых колонн окраинным улочкам выбирались из центра города. – Тем более что все идет по плану. Я осведомился по своим каналам, генштабисты уверены, что противник не сумеет прорвать наши пограничные укрепления. Тяжелая авиация Израиля готова накрыть бомбовым ковром и Каир, и Дамаск, если они не одумаются. Мы не зря готовились к этой войне тридцать лет.

– Мне, наверное, тоже нужно немедленно возвращаться в часть. Если ударят и со стороны Сирии, наша бригада окажется на главном направлении..

– Пусть это вас не заботит. Прежде всего вы еще не выписаны из госпиталя, а кроме того, через час-другой станет известно о нашей с вами трагической гибели во время огневого налета эсминцев по приморскому шоссе. То, что осталось от моего «Опеля», выглядит очень убедительно. Так что процедура похорон будет чисто формальной. А свою загробную жизнь мы с вами начнем уже по другому ведомству.

Лишних вопросов Тарханов задавать не стал, тем более что снова воевать по полной программе ему совсем не хотелось. Он знал, что обычно случается с войсками прикрытия в первые часы войны.

Служба охраны поселка была наверняка поставлена на должном уровне и до войны, а сейчас еще и ужесточилась.

Тарханов не мог не восхититься великолепной мобилизационной готовностью израильского народа.

В России, как известно, все обстояло совершенно противоположным образом. Начало войн и революций всегда сопровождалось невероятным бардаком на всех уровнях власти и общества и лишь с течением времени приходило в относительный, а потом и в железный порядок.

Несмотря на то что часовые не могли не знать майора в лицо, они все же попросили Розенцвейга предъявить пропуск, а его пассажира – документы. Один держал их под прицелом автомата, а другой заученным движением провел по удостоверениям ручным сканером.

– На всякий случай, – пояснил майор. – Во-первых, вкладыш в пропуск меняется каждый день, и, если я этого по какой-то причине не сделал, это уже повод обратить на меня и моих гостей специальное внимание.

Вдруг меня захватили террористы и шантажом или угрозами заставили провезти их в поселок? Ничего не выйдет. Документы проверяются по такому числу признаков, что даже я все их не знаю. И если что, то вот.. – он показал рукой в сторону караульных будок по обеим сторонам ворот. Из амбразур выглядывали решетчатые кожухи станковых пулеметов. – Охрана стреляет без предупреждения, причем в этом случае моя жизнь уже не имеет значения. У нас штучки типа: «Бросьте оружие, иначе мы уьем заложника» – не проходят. Поэтому и терроризм такого рода на территории Израиля практически неизвестен. Мы им это вбили, как Павлов своим собакам, на уровень безусловных рефлексов. Однако бдительности по-прежнему не снижаем, в отличие от вас, коллеги, не в обиду будь сказано.

Контроль они прошли благополучно, и ворота перед ними гостеприимно раскрылись.

В поселке жили люди не бедные и по преимуществу – с фантазией, а также и обуреваемые ностальгией. Сергей насчитал только на одной улице восемь вилл, оформленных в типично

среднерусском духе. Бревенчатые в два этажа избы, помещицьи особняки с мезонинами стиля позапрошлого века, березки перед фасадами, липовые аллеи.

Были, впрочем, и другие, напоминавшие о происхождении владельцев из Мекленбурга, Саксонии, Мазовецкого края. Пока машина взбиралась вверх по серпантинной, мощенной брусчаткой дороге, Тарханов сообщил о своих наблюдениях вслух.

– Увы, что делать, здесь живут только ашкенази¹⁷, других образцов для подражания у нас нет. Большинство плохо представляет, как жили зажиточные евреи в эпоху, предшествовавшую рассеянию. А если кто и знает, то все равно не хочет обитать в глинобитных домах без окон. В поселках сефардов вы бы увидели отчетливые мавританские мотивы.

Сам Розенцвейг квартировал в кирпичном особняке с мансардой, усредненноевропейского стиля, окруженном типичной средиземноморской растительностью, что свидетельствовало либо о принципиальном космополитизме, либо о нехватке средств на архитектурно-ландшафтные изыски.

Жил майор в этом доме один, по крайней мере никаких следов женского и детского присутствия Тарханов не обнаружил ни на участке, ни в комнатах. И стол был накрыт официантами из ближайшего ресторана, причем исключительно в местном вкусе.

– Привыкайте, дорогой друг, – с легкой иронией сказал Розенцвейг, – вы теперь почетный еврей и должны уметь поддерживать реноме. Если не за столом, то хотя бы в разговорах типа: «Ах, как я люблю настоящий „цимес“, рыба-фиш могла бы быть и понежнее, по субботам я ем только молочный борщ», и так далее.

– Надеюсь, хотя бы водку вы нам подадите нормальную, от вашей кошерной меня всегда по утрам мутит. – Из двери напротив появился Чекменев, как всегда – словно черт из табакерки. Сбросил на спинку стула пиджак и упер руки в бока, присматриваясь к расставленным вдоль стола закуским.

Эту мизансцену Тарханов воспринял спокойно, привыкнув уже, что у русского и еврейского контрразведчиков своя игра и свои отработанные шуточки.

– Как вам будет угодно, друг мой.

Нельзя сказать, что еврейская кухня так уж Сергея восхитила, он предпочитал кавказскую, но есть было можно, не слишком себя напрягая.

– Признаться, я не очень люблю нарушать законы, даже если это диктуется служебной необходимостью. Поэтому решение премьер-министра снимает камень с моей души, – сообщил Розенцвейг. – По действующим законам получающий израильское гражданство имеет право избрать себе новое имя, фамилию или все сразу, если считает, что прежние не соответствуют его теперешнему положению и мироощущению.

Верующие часто принимают имена библейских персонажей, атеисты – что на ум взбредет, но обычно тоже с соответствующим колоритом, на базе языка иврит.

Сейчас вообще, особенно у молодежи, появился обостренный интерес к «языку Книги». Ходят даже разговоры, чтобы вновь сделать его живым разговорным, чтобы уравнивать шансы. А то, мол, европейские евреи со своим идиш имеют явное преимущество перед выходцами с востока и юга.

Впрочем, это я так, к слову, для расширения вашего кругозора. Так вот, вернемся к нашим баранам. Я тут позволил себе некоторое самоуправство, оформил вам документы на выезд из страны, не посоветовавшись с вами. Теперь вы – господин Узиель Гал. Звучит это вполне прилично, и запомнить легко. Паспорт совершенно подлинный, зарегистрирован как положено, срок действия десять лет. Можете пользоваться им без всяких опасений. Вот здесь отметка, что вы абсолютно не годны к военной службе, даже и в военное время, так что выпустят вас без проблем.

¹⁷ Ашкенази – евреи европейского происхождения.

Чекменев, видимо избравший себе на сегодня позицию стороннего наблюдателя, молча кивнул с набитым ртом.

Сергей взял паспорт с вложенным в него билетом на самолет до Нью-Йорка.

Фотография была его, но когда ее сделали? Очевидно, прямо в приемной премьер-министра, скрытой камерой, потому что костюм и рубашка были те же, что и сейчас, а он сегодня надел их впервые. Ловкая работа.

Что бы там ни говорил майор, Тарханов решил уточнить свой нынешний статус у соотечественника, облеченного, что очевидно, весьма широкими полномочиями.

– Все так и есть, друг мой. Для отечественного армейского командования вы, к глубокому прискорбию, погибли. Из огня да в полымя, как говорится. Или же – сколько веревочке ни виться..

– Можно также добавить, – щегольнул знанием русского фольклора и Розенцвейг, – повадился горшок по воду ходить, тут ему и голову разбить.

– Ну, братцы, вы уж слишком плотно за меня взялись, – посетовал Тарханов. Чуть пригорюнился, соответственно моменту. – Значит, помянем. – Он поднял рюмку. – А если спросит кто-нибудь, ну, кто бы ни спросил, скажи им, что навyleт в грудь я пулей ранен был. Что умер честно за царя, что плохи наши лекаря и что родному краю привет я посылаю.

Не прекращая застолья, Розенцвейг и Чекменев подробно проинструктировали Тарханова о том, как ему вести себя в полете и по прибытии на место.

– Интуиция подсказывает, что мы еще встретимся с вами, дорогой друг, – сообщил майор. – Это гора с горой не сходятся. Может, здесь, может, в Москве. В любом случае желаю всяческих успехов и долгих лет жизни. Главное, соблюдайте одиннадцатую и двенадцатую заповеди.

– Это какие же? – удивился Сергей, который слышал лишь о десяти.

– «Не зевай» и «не попадайся».

На этой оптимистической ноте ужин и завершился.

На обратном пути Чекменев, который за весь вечер не сказал и десятка фраз, предложил:

– Нет, ты как хочешь, а я предпочел бы закончить мероприятие как-нибудь по-нашему. Мы же с тобой тоже расстанемся надолго, а я к тебе привык. Да и не обо всем пока обговорено. Выпьем еще чуток, я тут явно недобрал, закусим селедочкой с черным хлебом. Сколько ни пытался, так и не привык к их кулинарии. Вроде талантливые люди, а готовят черт знает что. Любой неграмотный грузинский крестьянин им сто очков вперед даст.

Действительно, подполковник пил сегодня крайне мало, по несколько раз пригубливая одну и ту же рюмку. Очевидно, по каким-то своим, оперативным соображениям.

– То, что они тебе первую фазу отхода обеспечивают, это хорошо. Мне хлопот меньше, собственные ресурсы лишний раз приберегу, а их СД – одна из мощнейших спецслужб в мире, сделают все как надо. Однако.. Как писал один древнеяпонский поэт, «жаба хитра, но маленький хрущ с винтом много хитрее ее».

Тарханов сначала не понял юмора, но потом сообразил, подставив вместо жабы и хруща несколько другие слова, начинающиеся с тех же букв, расхохотался.

– Посему инструкцию Розенцвейга будешь выполнять до половины.

– Это как?

– Просто. Выйдешь из самолета, возьмешь такси, да не на стоянке, а чуть подальше, махни рукой любой проезжающей желтой машине. Поедешь по указанному адресу, но в дом заходить не спеши. Пройди мимо до следующего угла. Там к тебе подойдет человек, скажет по-русски: «Иван Петрович велели кланяться». Именно так скажет, никак иначе.

– Что я, не знаю, что такое пароль? – обиделся Тарханов.

– Не комплексуй, наше дело такое, лучше лишний раз напомнить. Услышишь пароль – делай, что дальше этот человек скажет. Если вдруг не окажется его на месте – подожди минут пятнадцать, не больше, и иди на еврейскую явку. Тогда уж по их схеме действуй.

Сергей все еще не мог привыкнуть к реальности той жизни, что у него началась вследствие невинного желания встретить Новый год в приличной компании.

– Слушай, ответь мне честно – ну на кой это все? Или вам просто работы не хватает, вот и выдумываете себе всякие вводные? Где мы, где Нью-Йорк, и неужели можно всерьез предполагать, будто люди какого-то полудикого шейха держат под колпаком весь мир, способны перехватить человека, которого ни разу в жизни не видели, на улице двенадцатимиллионного города, тем более не догадываясь до сего момента, что я полечу именно туда, именно в это время.

– Сочувствую твоей наивности. И даже слегка завидую. Ну, слушай, Розенцвейг тебе этого не говорил, и я до поры помалкивал. Запомни раз и навсегда – не с полудикими шейхами мы имеем дело, а с разветвленной, почти всемирной организацией, объединяющей всех, кому не нравится нынешнее мироустройство.

Ты понимаешь – всех. Независимо от более частных интересов, религий и убеждений. Этакий «Черный интернационал». Что, казалось бы, может объединять исламских фундаменталистов, борцов за «свободу Южной Африки», китайские триады, колумбийских наркобаронов и всевозможных европейских «леваков»?

– А разве их действительно что-то объединяет? – Тарханов не один год воевал в разных «горячих точках» «тихо-атлантического периметра», но ему и в голову не приходило, что происходящие в мире перманентные локальные конфликты, «освободительные войны», набеги бандитских шайк на приграничные территории, вспыхивающие время от времени студенческие бунты в самых сытых и благополучных странах Европы могут координироваться и направляться из единого центра, представлять собой этапы реализации какого-то грандиозного общего плана. Как это вообще возможно, а главное – зачем?

Так он и спросил.

– Санкта симплицитас¹⁸, – восхитился Чекменев. – В том-то все и дело. По большому счету это действительно вроде бы никому не нужно, кроме нескольких сотен, может быть, тысяч людей, которые извлекают из данного процесса огромные деньги, а в перспективе рассчитывают приобрести власть над миром. Вернее, над тем, что от него останется. Недовольные существующим порядком вещей всегда были и будут, только, к счастью, их недовольство в большинстве случаев не переходит некоторых границ.

Когда переходит, случается то, что имело место в Германии и России в 18 – 20-х годах прошлого века. К счастью, все это достаточно быстро кончилось. Трудно представить, в каком мире мы бы сейчас жили, сумей наши большевики и немецкие спартаковцы удержать государственную власть, организовать пресловутую «мировую революцию».

Ладно, это дела прошлые. А сейчас снова дело идет к чему-то похожему, только почти никто в это не хочет верить. «Обездоленные» всех стран свято верят, что если взломать Периметр, захватить и поделить богатства «свободного мира», то немедленно начнется райская жизнь для всех. А умные и беспринципные люди этим пользуются.

Одни, попроще, торгуют оружием, наркотиками. Другие – идеями, третьи – самые умные – надеются возглавить процесс дележки во всемирном масштабе.

А война, что сегодня или завтра начнется, ее полунищие арабы по своей инициативе и на свои деньги начали, что ли? Они, конечно, с евреями разделаться семьдесят лет спят и видят, да только силенки здраво сопоставляли. А тут вдруг лomanулись очертя голову. Теперь будем ждать, кто еще в этой авантюре нарисует.

¹⁸ Святая простота (лат.).

Да что я тебе политграмоту читаю, бог даст, сам все узнаешь, из первоисточников. Займись непременно, ибо сказано – не воображайте, что неучастие в политике убережет вас от ее последствий.

Что же касается тебя и твоего напарника Ляхова лично. Какое право мы имеем недооценивать противника? Они сейчас работают по всем направлениям, ставят на все шансы.

Почем мы знаем, вдруг они думают, что ты, например, не случайно влезший не в свое дело пехотный офицер, а контртеррорист-боевик суперкласса, направленный как раз для того, чтобы сорвать их акцию и захватить «Гнев Аллаха», так они называли свою машинку?

Мы с Розенцвейгом тоже скорее всего уже попали в поле зрения их разведки. Вот пока и все зацепки. Так что убивать нас, скорее всего, просто так не будут, поведут, последят, а уж потом.. Могут попытаться в плен захватить.

– А что же вы про фетву и месть говорили?

– Одно другому не помеха. Я же говорил, что только высшие стратегические цели у хушки этого движения совпадают, а на уровне реальных действий тактика и интересы у всех свои.

И шейха вы шлепнули, и сабля пропала, так что для этих именно фигурантов отомстить вам – святое дело. Но как раз от них уберечься проще всего. Гораздо хуже и опаснее другое.

Я, к примеру, совершенно не уверен, что их агентура не внедрилась в штаб нашего Корпуса, в канцелярию израильского премьера, в какие-то московские и петроградские структуры.

То есть враг может быть абсолютно везде, поскольку непонятно, кого и на каких условиях «интернационал» может привлечь на свою сторону.

Российского социалиста увлечь «благородной» идеей восстановления справедливости в мировом масштабе, мусульманина призвать к участию в джихаде и почти любого – просто купить, поскольку людей, не продающихся принципиально и ни за какие деньги, не так уж много.

Так что абсолютно доверять я могу только лично мне известным коллегам, в том числе и Розенцвейгу. Ну и еще кое-кому. Тебе, Ляхову в том числе. Из чего вытекает – я очень заинтересован, чтобы ты добрался до России живым. Поскольку рассчитываю на дальнейшее сотрудничество.

– Понятно, хотя и не дюже приятно. Страшноватую картинку ты нарисовал. Я теперь так и буду ходить, все время оглядываясь и соображая, кто тут поблизости агент «Черного интернационала».

– Оглядываться, может быть, все время и не обязательно, а соображать надо, постоянно и всенепременно.

– Теперь давай, Игорь, проясним напоследок кое-что насчет пресловутого «Аллахова Гнева». Убей, не понимаю, как можно не разобраться в сути железки, с помощью которой собирались полстраны уничтожить.

– Мы привлекли самых авторитетных специалистов, которые здесь имеются, но результаты парадоксальные. Пиротехники, к примеру, утверждают, что взрывным устройством предложенный к экспертизе предмет не является. Категорически. Взрывать там просто нечему. Ни нормальной взрывчатки, ни ядерной. Соответственно ничего не нашли и остальные специалисты, хоть как-то причастные к смертоносным технологиям.

Только один физик-ядерщик заявил, что эта штука напоминает по замыслу какой-то волновой преобразователь, но работать в данном виде не может, так как в нем отсутствует источник энергии и еще какие-то детали.

Или это лишь часть более сложной конструкции, либо – просто муляж. Выражаясь на воровском жаргоне – «кукла». Кто-то очень умный и наглый подсунил ее террористам, сорвал маленький аванс, после чего скрылся, не ожидая результатов применения.

– Забавно, – ответил Тарханов, – только неужели они взяли товар без предварительной демонстрации его работоспособности?

– Кто ж его знает, – с тоской в голосе ответил Чекменев, и Сергей догадался, что он не кривит душой. – Отправим аппарат в Москву, может, там разберутся.

А Тарханов вдруг с удивлением заметил, что уже не первый раз подполковник упоминает Москву, а не Петроград в качестве пункта, где могут решаться важнейшие проблемы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

По системе особо защищенной связи Чекменев дозвонился в Москву до Великого князя. Кратко доложил о последних событиях и о захваченном трофее. Олег Константинович в принципе знал о задании, которое подполковник сам себе определил и сам же реализовывал, но в детали не вникал.

– Уверен, что это – то самое? В таком случае поздравляю. Значит, можешь возвращаться? Делать там больше нечего?

Подполковник ответил, что дела еще кое-какие остались, но дня через два-три рассчитывает с ними разделаться.

– Я тут прикинул и решил, что оба эти офицера нам еще пригодятся. И вообще, и в рассуждении конкретной операции. Потому осмелился отправить их в ваше распоряжение. Думаю, полезно было бы, если бы вы удостоили капитана Ляхова аудиенции и осыпали соответствующими милостями сообразно совершенному подвигу.

Олег Константинович в принципе не возразил, только спросил с некоторым интересом: почему именно Ляхова, если главную роль сыграл все-таки другой?

– Нет, наградить следует обоих и одинаково, но есть у меня соображения из области психологии именно по поводу Ляхова. При встрече доложу в подробностях.

– Тебе виднее. В общем, ты там не задерживайся. И не вздумай в боевые действия вмешиваться. Без тебя разберутся. Особый корпус уже получил приказ – сохранять нейтралитет, оставаться в местах постоянной дислокации, открывать огонь только для самозащиты. Или – после особого распоряжения. А тебя жду не позже чем через неделю. Тут у нас тоже проблем хватает.

Чекменев и не сомневался, что Великий князь спорить не станет, он достаточно хорошо знал своего сюзерена и заодно старого друга. Олег Константинович принадлежал к тому редкому типу лидеров, которые способны терпеть рядом людей не глупее себя, более того – искать таких и возвышать, с благодарностью выслушивать умные советы и даже критику своих планов. Разумеется, до принятия окончательного решения.

Это как раз к нему относился афоризм: «Первосортные руководители окружают себя первосортными людьми, окружение второсортных состоит из людей третьего сорта».

Получив высочайшую санкцию, фактически карт-бланш на действия, далеко выходящие за рамки его официальных должностных обязанностей, Чекменев приступил к делу.

Он не верил в стойкую благосклонность судьбы и после того, как она так крупно ему подыграла, опасался рассчитывать на нее и дальше. Поэтому не рискнул отправить в Москву чудом попавшее ему в руки устройство самолетом. Самолеты имеют свойство неожиданно падать ни с того ни с сего. Море надежнее, поэтому он посадил сопровождавших ценный груз четырех офицеров на быстроходный бронекатер. Предварительно убедившись, что прогноз погоды благоприятен и до самого Севастополя не ожидается штормов и шквалов. В Севастополе же фельдъегерей будет ждать экстренный поезд.

Нет, действительно, повезло ему неслыханно. До Чекменева давно уже доходили слухи о якобы разрабатываемом в секретных лабораториях «Черного интернационала» небывалом оружии, способном разом уничтожить население целой страны, причем, что интересно, без вреда для соседей и без ущерба для материальных ценностей. И даже было известно место, где намечено его впервые применить. Оттого и оказался подполковник там, где оказался.

Он спрашивал у специалистов, возможно ли такое в принципе. Ответы были по-своему резонные: «Скажите сначала, на каком принципе будет основываться это оружие, тогда мы вам и посчитаем радиусы поражения и количество возможных жертв со всех заинтересованных сторон».

Чекменев допускал возможность грандиозного блефа, но это его не останавливало. Сам по себе факт запуска такой дезинформации кое-что значил, кроме того, сведения поступали к нему из слишком разных источников, координация действий между которыми представлялась маловероятной.

И эта «бомба» у него в руках. Остается сообразить, что с ней делать.

Нет, если она действительно работоспособна и на самом деле представляет собой новое слово военной техники, место в арсеналах великокняжеской армии ей найдется.

Главное же – теперь можно устроить великолепную контригру, развернуть шахматную доску на сто восемьдесят градусов, как это любил делать вельтмейстер Алехин. И выигрывал в пять ходов полностью только что загубленную партнером партию. Теперь уже он будет распространять по своим каналам слухи и грамотно подготовленные дезинформации, после чего отслеживать произведенный эффект, вскрывать новые линии и направления деятельности тех или иных организаций, источники финансирования, координирующие центры. И нанести, в конце концов, парализующие удары в нервные узлы. Как это делает оса-наездник.

То, что он идет по следу в нужную сторону, подтверждалось и вспыхнувшим, неожиданно почти для всех, военным конфликтом.

Именно так Чекменев все это себе и представлял.

Сначала взрыв «Гнева Аллаха», и тут же за ним – вторжение. Оправдается прогноз – войска займут безлюдную, как бы теперь ничейную территорию без сопротивления. Выйдет не совсем так, как ожидалось, – все равно под шумок может получиться. Страна-то маленькая, одновременным броском с трех сторон за полсуток можно все закончить.

И надо же было такому случиться, чтобы грандиозный план сорвался из-за того, что два отважных офицера случайно оказались совсем не там, где должны были находиться. А потом вдобавок приняли решение, далеко выходящее за рамки их полномочий, но зато единственно верное.

Такими людьми нельзя разбрасываться. Вот подполковник и осмелился советовать Олегу Константиновичу.

Но как и для чего Тарханова с Ляховым использовать конкретно, можно обдумать и обсудить в более спокойные времена. Сейчас для таких, как Чекменев, время действовать.

В Израиле, этом «новом Вавилоне», вклинившемся в самую сердцевину Ближнего Востока и граничащем с Африкой в ее самом беспокойном и уязвимом выступе, за последние годы скопилось огромное количество легальных и нелегальных разведчиков большинства цивилизованных стран. Кто просто отслеживал ситуации для их грядущего использования, кто присматривал за деятельностью российской и германской военно-морских баз, обеспечивающих присутствие крейсерских эскадр в Средиземном море, или занимался промышленным шпионажем.

Нормальная практика. По негласному соглашению никто никого как бы не замечал.

Кроме того, многонациональное и многорасовое население Израиля являлось великолепным питательным бульоном для жизнедеятельности всевозможных международных авантюристов и финансовых спекулянтов. А в этой среде как не завестись массе агентов «Черного интернационала», как сознательных, так и используемых втемную.

Сейфы возглавляемой Чекменевым службы ломились от досье на крайне интересных людей, подобраться к которым было весьма непросто. По целому ряду причин.

В условиях же всеобщей сумятицы, непременно сопровождающей переход от мира к войне, непроясненности обстановки и проблематичного пока что исхода вооруженного конфликта писанные и неписанные нормы и обычаи международного и внутреннего права как-то теряют свою определенность и обязательность.

Свободно можно выдернуть без лишнего шума два-три десятка интересующих тебя людей и поступить с ними по собственному усмотрению. С одними душевно побеседовать на

месте (подходящие укромные помещения для таких целей у Чекуменава имелись), других аккуратно переправить в Россию для углубленной разработки.

Кроме того, на учете у подполковника состояло некоторое число персонажей, сам факт существования которых признавался нежелательным в принципе. С этими тоже следовало разобраться.

И никаких международных скандалов и проблем с местной полицией возникнуть не должно. На любой войне определенный процент «пропавших без вести» неизбежен, и почти никого не занимают причины и способы, в силу которых люди приобщаются к этой странной категории не живых, но и не мертвых.

Из необъятной памяти подполковника всплыл и подходящий к случаю афоризм Козьмы Прутова: «Ничто существующее исчезнуть не может, так учит философия, и поэтому несовместно с Вечной Правдой доносить о пропавших без вести!»

Чекуменев, предварительно созвонившись, приехал в контору Розенцвейга. Майор как раз пребывал в том подвешенном состоянии, когда довоенные дела уже потеряли свое бывшее значение, а новых, связанных с изменившейся ситуацией заданий еще не поступило. Он выслушал коллегу с интересом, просмотрел подготовленные им проскрипционные списки.

– Как-то это все, знаете ли.. Мы ведь живем в правовом государстве.

– Да неужели? – искренне удивился Чекуменев. – Нам ли об этом говорить? Особенно сейчас. Тем более что вы отнюдь не государственный прокурор, поставленный надзирать за соблюдением законов.

– Но тем не менее возможны серьезные осложнения. Тут я вижу такие имена..

– Да плюньте, – посоветовал Чекуменев. – Вред или польза действия обуславливается совокупностью обстоятельств. Сейчас они таковы, что польза очевидна, вред же проблематичен. Короче, от вас мне требуется отнюдь не санкция, а лишь практическая помощь. Чтобы провести намеченную акцию быстро и без шума, у меня не хватает квалифицированных сотрудников. Скажу честно, у меня их сейчас не больше десятка. А нужно хотя бы втрое больше. Вот вы мне их и предоставьте. Максимум на одну ночь. Необходимым транспортом я обеспечу. Так договорились?

Розенцвейг продолжал раздумывать.

Чекуменев едва заметно повысил голос:

– Ну что вы из себя девочку корчите, Григорий Львович? Торговаться станем? Не нужно. Я вам без всякого торга обещаю поделиться всем, что сам узнаю насчет той «штушки». Она ведь вас сильно интересует? Если хотите, вместе поедем в Москву, своими глазами все увидите.

Другой момент – если вам стыдно своими руками соотечественников голям сдать на поругание, то «ваших» братья мои ребята будут, а вы мне вот этих обеспечьте, – он отчеркнул карандашом, кого именно. – И вспомните, что вы Ляхову говорили насчет длительной перспективы наших взаимно полезных отношений.

– Хорошо, – согласился Розенцвейг. – В конце концов, вы правы. А ля гер ком а ля гер. Десять групп по три человека вас устроит?

– Более чем. Сбор сегодня в двадцать один ноль-ноль здесь. Командовать операцией буду лично я.

– Давайте все же не здесь, – возразил майор. – Светиться мне все равно ни к чему. Давайте мои люди будут подходить по две тройки с пятиминутными интервалами к вашему агентству, получать инструкции и садиться в ваши машины.

– С военными номерами?

– Зря иронизируете. Как раз это лучше всего. Часть машин пусть будут санитарные, часть – с эмблемами военной полиции. Наша гражданская полиция их останавливать не имеет права,

на какой-то непредвиденный случай легенда – собираете по тревоге находящийся в увольнении личный состав и самовольщиков.

– Годится, коллега. Видите, как все хорошо у нас образуется..

Разумеется, никогда в жизни израильский разведчик не согласился бы сотрудничать с обычным резидентом другого государства в столь сомнительном деле, но тут был случай исключительный. А Розенцвейг умел просчитывать варианты не хуже своего знаменитого соотечественника, непревзойденного шахматного философа Эммануила Ласкера.

Мундир армейского финансиста-ревизора, который обычно носил Чекменев, был лишь первым уровнем прикрытия. Должность товарища военного атташе по разведке – вторым, обеспечивающим экстерриториальность и соответствующий авторитет. Однако майор знал, что на самом деле «подполковник» руководил отделом Собственной канцелярии Его Императорского Высочества Великого князя Олега Константиновича, настолько секретным, что этот отдел не значился ни в одном штатном расписании и ни в одной платежной ведомости. И наверняка имел генеральский чин.

Из собственных источников Розенцвейг также знал, что Чекменева с князем связывала еще и личная дружба, с тех еще времен, когда тридцатипятилетний полковник Романов служил всего лишь командиром первой гвардейской бригады, а молодой поручик состоял при нем офицером для особых поручений.

Потом Олега Константиновича избрали на его нынешний пост, и он сделал Чекменева своим пресс-секретарем и старшим адъютантом. Затем возвысил до нынешнего поста, но были основания считать, что на самом деле Игорь Викторович является при дворе тем самым «серым кардиналом», без которого не обходится почти никакой властитель. И положение его весьма прочно.

А если так, то интересы долгосрочной политики требуют не пренебрегать просьбами такого человека.

Кроме всего, Розенцвейг с Чекменевым испытывали друг к другу выходящую за рамки деловых отношений симпатию и уважение, поскольку по-настоящему умные люди встречаются достаточно редко и дорожат возможностью общения. Особенно если им нечего делить.

Впервые познакомились они три года назад, когда Чекменев приехал в Тель-Авив «с неофициальным визитом», а майор был приставлен к нему в качестве консультанта и связного с руководством СД. Месяца два, как водится, присматривались и прощупывали друг друга, а потом российский коллега вдруг открыл карты.

Розенцвейгу была известна российская внутривластная коллизия, но не во всех деталях. Он, как и девяносто девять процентов аналитиков, продолжал считать Великого князя фигурой совершенно номинальной, а тут вдруг оказалось, что нынешний Романов несколько отличается от своих предшественников.

Хотя бы тем, что сам или по подсказке того же Чекменева осознал грядущие катаклизмы, внешние и внутренние, смертельно опасные именно для России в первую очередь, с ее совершенно не подходящим для ответа на вызовы времени государственным устройством.

А мировой экономический и политический кризис стоял на пороге, грозящий в перспективе стать хуже прошлой Мировой войны и Великой депрессии, вместе взятых, в этом и Чекменев и Розенцвейг сходились во мнении, хотя исходные посылки у них были разные.

Подполковник как-то спросил майора, не удивляет ли его факт, что они оба, в принципе самые обычные, ничем не примечательные люди, осознают то, что непонятно тем, кто занимает высокие посты и должен быть мудр по определению.

– Кокетничаете, Игорь? – спросил израильтянин.

– Отнюдь. Искренне недоумеваю. Исходя из собственного жизненного опыта.

– Напрасно. Возможно, вы об этом не задумывались, но действительно умный большой политик – редчайшее исключение. Потому что ум и воля к власти – две вещи несовместные. Умный и мыслящий человек обязан во всем сомневаться, в том числе и в правильности своих силлогизмов, он постоянно ставит себя на место своих оппонентов, входит в положение окружающих его людей. И так далее. Политик же должен, уверовав в свое предназначение, переть как танк, отсекая все и всех, что ему мешает в данный момент. Иначе он просто не состоится. А чтобы сочеталось и то и другое.. Да, был Бисмарк, Черчилль, Рузвельт.. Вот и все, пожалуй.

Чекменев подумал, что из русских мог бы назвать еще и Петра Великого, но не стал этого делать. Были у него насчет Петра некоторые сомнения. Больше же никто не приходил на ум. Иван Калита слишком далеко, любой из Романовых, даже царь-освободитель Александр Второй, не дотягивал в смысле государственной мудрости.

– Зато люди незначительные, вроде нас с вами, – продолжал Розенцвейг, – нередко проявляли гениальную способность предвидения. Да вот что далеко ходить, недавно попалась мне в старом журнале докладная записка одного из придворных вашего последнего царя, генерала Дурново, датированная 1912 годом. В ней он на десяти страницах подробнейшим образом предсказал возможность грядущей Мировой войны и ее политические последствия, включая крушение монархии и гражданскую войну. И что?

– Знаю этот документ. И согласен с вашими выводами. Но что из этого вытекает?

– То, что у нас с вами есть шанс хотя бы сейчас переломить эту тенденцию.

Вот после этой беседы и возникла у него идея организации при ставке Олега Константиновича совершенно секретного кризисного штаба. Благо еще, что был в стране местоблюститель, человек, теоретически способный возложить на себя бремя государственной власти. Но в том-то и беда, что чисто теоретически. Реально представить себе, что в мирное время удастся собрать новое Учредительное собрание или Всероссийский Земский Собор, который двумя третями голосов согласится с восстановлением монархии, хотя и конституционной, было невозможно. А в условиях кризиса – тем более.

Поначалу князь вроде бы не слишком всерьез принимал опасения и идеи своего адъютанта, но в то же время и не спорил с ним. Разрешил, в виде эксперимента, создать небольшое аналитическое бюро со штатом всего в пять человек и выделил скромное финансирование.

Но когда докладные записки Чекменева о грядущих политических потрясениях начали с пугающей регулярностью сбываться, князь поверил в него всерьез.

– Как вы это ухитряетесь делать, капитан? Неужели чисто умозрительно?

– Именно так, Ваше Императорское Высочество. Информации в мире достаточно. И если знать, что именно ты хочешь узнать, – ответ непременно найдется. Проблема только в том, чтобы корректно сформулировать вопрос.

– И какой же вопрос вы ставите перед собой сейчас?

– Когда начнется Вторая мировая война..

Следующие годы Чекменев старательно плел паутину вокруг границ России и за ее пределами, покупал, перевербовывал и уничтожал лидеров, функционеров, агентуру «Черного интернационала», передавал информацию на их пособников в России соответствующим службам через специально созданные каналы, чтобы самому оставаться в тени. Одной из его главных забот по-прежнему оставалось сохранение полного инкогнито возглавляемой им конторы.

И такое положение вполне устраивало и его, и Великого князя.

За исключением одного момента – подполковник был ярым противником республиканского устройства России и убежденным сторонником «демократического самодержавия».

Когда Олег Константинович при случае спросил, что бы должен означать сей странный оксюморон¹⁹, Чекменев ответил: «Ничего сверх того, Ваше Императорское Высочество, чтобы должным образом принятые законы государства вытекали из смысла и обычаев жизни и были равно обязательны для исполнения любым гражданином, включая самодержца. Каждый же гражданин, подобно тому, как это было в Древнем Риме, должен руководствоваться принципом: „Благо Отечества – высший закон“.»

– Утопия, – без выражения ответил князь, – ты только не вздумай свои идеи в прессе пропагандировать.. – и более к этой теме они не возвращались.

Но каждый, похоже, остался при своем мнении.

В прессе, само собой, Чекменев с призывами восстановить самодержавие не выступал, однако для себя кое-какие записки вел.

Естественно, рассказывая Тарханову о «Черном интернационале», Чекменев многое сознательно упрощал, иначе лекция растянулась бы не на один час, а кое в каких моментах заблуждался и сам.

Просто потому, что полностью достоверной информацией не располагал никто в мире. Как никто не знает целей, намерений, политических взглядов и личных отношений, связывающих каждую отдельную особь в гигантском муравейнике или термитнике.

Что отнюдь не мешает прихлопнуть ту из них, которая в данный момент вонзает в тебя свои ядовитые жвала, или залить все вокруг мощным репеллентом.

Через три дня Чекменев вылетел в Москву в приятной уверенности, что дезинфекция проведена очень и очень основательная.

¹⁹ *Оксюморон* – стилистический оборот, в котором сочетаются семантически контрастные слова.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

.. Чекменев устроил все в наилучшем виде. Ляхову даже не пришлось возвращаться в часть, чтобы сдавать дела, подписывать обходные и заниматься прочими утомительными процедурами. За ним все-таки числилось двадцать пять человек личного состава, в том числе два офицера, шесть единиц военно-транспортной техники и чертова уйма имущества, чисто медицинского и общего назначения, начиная от простыней и одеял вплоть до противогазов, штыков, карабинов и патронов.

И он совсем не был уверен, что при скрупулезном подсчете все сойдется. Не бывало такого и быть не могло. А возмещать убыток, согласно приказу еще от 1947 года, в двенадцатикратном размере ему совершенно не улыбалось. Хотя лично за собой он знал лишь два греха – растраниженные на угощение бригадных и прочих начальников семь литров казенного спирта (за полугодие) и оставленный себе на память «костюм танковый кожаный утепленный». В ожидании грядущих охотничьих вылазок в средней и северной России. Хищением это считать никак нельзя, поскольку в любом варианте названное имущество досталось бы тем же начальникам, но под другим соусом: «Круговорот вещей в природе».

Однако отвечать на вопросы хозяйственников было бы неприятно.

Не зря Вадим всю жизнь чурался каких-то руководящих, тем более – связанных с материальной ответственностью постов, предпочитая исходить из старинной мудрости: «Чем чище погон, тем спокойнее совесть».

А подполковник оформил все очень четко. После соответствующих согласований он привез предписание военврачу Ляхову убыть в очередной отпуск, откуда согласно ранее поданному и удовлетворенному рапорту на имя генерал-инспектора медицинской службы ему надлежит отбыть к новому месту службы, в крепость Петропавловск-Камчатский (как говорится, и хотел бы подальше, да некуда).

И соответствующие проездные документы, отпускные и прогонные деньги, а также полный расчет за проведенные в боевых условиях 13 месяцев со всеми зачетами и льготами.

Потом они поехали совсем не туда, куда предполагал Ляхов. Не в аэропорт «Теодор Герцль» в Тель-Авиве, а на базу гидросамолетов флота, где его посадили на борт, вылетающий в Севастополь, без всякой регистрации, под видом одного из постоянно снующих туда и обратно инженеров, механиков, кондукторов и младших офицеров, не желающих тратить прогонные деньги и обходящихся «жидкими билетами». Литр коньяка пилотам с «чужих» офицеров, литр водки с моряков.

Дальше он поехал в нормальном вагоне первого класса, как и приличествовало его чину.

В Москве Ляхов появился уже с новыми документами, как полноценный строевой капитан Экспедиционного корпуса Вадим же, но Половцев. Имя оставил прежнее, чтобы легче запомнить, а фамилию выбрал по ассоциации – что ляхи, что половцы – все равно традиционные соперники росичей на исконной территории.

Там, куда Вадим имел предписание, приняли его неплохо.

Полковник в Собственной канцелярии Великого князя был любезен, но до того вылощен, что становилось даже неудобно за свой вполне приличный для армейца, но здесь смотрящийся убого полевой наряд.

Он поинтересовался, есть ли господину капитану где остановиться, и предложил на выбор «Националь» или «Московскую», где имелись свободные, закрепленные за канцелярией номера.

Вадим выбрал «Националь», у этой гостиницы была история и своеобразная атмосфера, а не современный голый функционализм.

– Если только отдельный номер, – добавил он, привыкнув за последнее время к спартанской скудости случайного офицерского жилья, и тут же понял, что сморозил глупость. С таким недоуменным удивлением посмотрел на него полковник.

Разместившись на 7-м этаже, в просторном номере с видом на Манеж, кремлевские стены и Исторический музей, Вадим отправился бродить по старым улицам и переулкам центра. Искать кого-либо из немногих старых знакомых, осевших в Москве, ему не хотелось, не прельщала перспектива исполнять ритуал встречи, пить водку, рассказывать о себе и выслушивать неинтересные подробности чужой жизни.

Перспектива одиночества, отстраненности от мира, который с некоторых пор воспринимался опасным и враждебным, манила и затягивала его все глубже.

Он не пожалел о своем решении. Вечер был чудо как хорош – пасмурный, сырой и теплый, даже не похоже, что январь, в воздухе пахло мартом. Деревья в саду Эрмитаж стояли мокрые, черные и голые, чуть слышно шуршали и постукивали ветками, над их вершинами кружились вороны, но каркали как-то очень деликатно, изредка и негромко.

Вадим сел на старую скамейку у подножия огромной липы. Наверное, она была такой же большой и старой уже тогда, полторы сотни лет назад, когда открылся этот парк. И кто-то так же вот сидел здесь тогда, в самый первый вечер, на этой же скамейке с литыми чугунными лапами. Ему вдруг захотелось увидеть этого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.